Аб
30
С30

М.И. СЕМЕНОВ (М. БЛАН)

РЕВОЛЮЦИОННАЯ САМАРА

80-90-х годов

М. И. Семенов.

ДБ
30
С30

М. И. СЕМЕНОВ (М. БЛАН)

РЕВОЛЮЦИОННАЯ САМАРА 80—90-х ГОДОВ

(ВОСПОМИНАНИЯ)

КУЙБЫШЕВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1940

8 ЖЗ

Свои воспоминания о Самаре М. И. Семенов разбил на две части. В первой он, наряду с описанием купеческого города и социальной структуры его населения, знакомит читателя с революционными кружками до-ленинского периода, рассказывает о подпольной работе этих кружков, дает характеристику отдельных лиц, с которыми Владимиру Ильичу приходилось встречаться потом в Самаре.

Вторая часть воспоминаний охватывает период самарской жизни В. И. Ленина, когда кружки с народнических позиций переходят под влиянием принесенного им марксистского учения на позиции революционного марксизма. Здесь автор уделяет особое внимание пропаганде идей марксизма, которую вел в Самаре молодой Ленин, и его спорам с «осколками» старого народничества и либеральными народниками, рассказывает о статьях, написанных Лениным в Самаре, многие из которых позднее были использованы им в знаменитых произведениях «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». «Развитие капитализма в России» и др.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
585266 V

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мои воспоминания о самарских революционных кружках 80—90-х годов печатались в разное время в изданиях Истпарта ЦК ВКП(б), Института Маркса—Энгельса—Ленина и Куйбышевского государственного издательства*.

В основу настоящего издания положен очерк «К самарскому периоду жизни В. И. Ленина», но содержание его значительно пополнено, а местами подверглось некоторым изменениям. Дополнением является описание некоторых условий, способствовавших возникновению в тисках царского режима революционных кружков в среде самарской учащейся молодежи. Приводятся также более обстоятельные биографические данные относительно лиц, имевших то или иное отношение к В. И. Ленину, и несколько пополняется список этих лиц**.

Центральными фигурами очерка являются В. И. Ленин и А. П. Скляренко, но ограничиться этими двумя лицами автор считал неправильным. Это противоречило бы марксистско-ленинскому методу описания исторических событий. Правда, предлагаемый очерк является не историческим исследованием, а всего лишь материалом для подобного исследования. Но этот материал должен осветить среду и условия, в которых приходилось работать пионерам марксистского революционного движения в Самаре.

«Диалектика Маркса, — говорит Ленин, — будучи последним словом научно-эволюционного метода, запрещает именно изолированное, то-есть однобокое и уродливо искаженное, рассмотрение предмета» (т. XVIII, стр. 262).

«Мы делаем свою историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими. Но и политические условия и т. д., даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую... Во-вторых, история делает-

---

* См. книги: «Старый товарищ А. П. Скляренко», Истпарт ЦК ВКП(б), 1922 г.; «Ленин в Самаре 1889—1893», ИМЭЛ, 1933 г.; «К самарскому периоду жизни В. И. Ленина», Куйбышевское издательство, 1937 г.

** Биографические сведения об этих лицах, если деятельность их протекала преимущественно после самарского периода жизни В. И. Ленина, даны в примечаниях, в конце книги. Исключение сделано лишь для одного А. П. Скляренко, биография которого изложена в тексте.

ся таким образом, что конечный результат получается от столкновений множества отдельных воль, причем каждая из этих воль становится тем, чем она является, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограмов сил, и из этого перекрещивания выходит один общий результат — историческое событие» (Фр. Энгельс. Письмо И. Блоху, 21/IX 1890 г.).

Из этих слов Ленина и Энгельса мы видим, какие высокие требования предъявляет марксистская теория к освещению исторических событий. Разумеется, мои воспоминания не могут претендовать на широкое и углубленное описание таких исторических событий, как банкротство и крушение народнической идеологии и возникновение и развитие в Самаре в 80—90-х годах прошлого столетия революционного марксизма. Задача моих воспоминаний много скромнее и проще. Она заключается лишь в правдивом и точном воспроизведении всех сохранившихся в памяти важнейших событий и фактов и тех «столкновений отдельных воль», о которых говорит Энгельс, поскольку эти факты и события способствуют уяснению главной темы воспоминаний.

Больше полстолетия прошло с того времени, когда я почувствовал себя революционером и стал соприкасаться с деятелями революции, с народниками и народовольцами и вообще с революционно настроенными людьми. Это было в Самаре, в том городе, куда в конце 80-х годов судьба занесла Ленина, тогда бывшего студента казанского университета — В. И. Ульянова.

Многое из жизни и деятельности подпольных кружков того времени в памяти стерлось и потускнело, многое, может быть, известно было мне не полностью, в силу того, что тогда все поневоле конспирировалось. Поэтому в последующих строках могут быть неточности, анахронизмы, может быть пропущено что-нибудь важное и выдвинуто на первый план второстепенное. Это неизбежная особенность всяких воспоминаний.

В моих воспоминаниях довольно значительное место занимает элемент автобиографический. Этого трудно было избежать, потому что многие из тех лиц, о которых мне приходится говорить, были мне весьма близки, а в событиях, которых я касаюсь, я нередко принимал в той или иной форме участие.

Автор

ЧАСТЬ I

САМАРА И ЕЕ ПОДПОЛЬНЫЕ КРУЖКИ ДО-ЛЕНИНСКОГО ПЕРИОДА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Самара — город купцов и „горчишников". Городское благоустройство. Своеобразие социальной структуры самарского населения. Культурно-просветительные учреждения.

Биографы В. И. Ленина, описывая самарский период его жизни, нередко изображают Самару того времени как глухой, сонный, провинциальный, типичный губернский город, десятки которых были разбросаны по великой российской равнине. Однако это неправильно. Самара, как торговый город, непохожий на многие другие губернские города средней полосы России, была создана волжской хлебной буржуазией — купцами и волжской вольницей — рабочим людом, прежде убегавшим сюда от помещичьей кабалы и царского гнета для привольной жизни на большой реке, а позднее стекавшимся в Поволжье в поисках заработка на необозримых заволжских хлебородных степях, на водном транспорте, рыбных промыслах, в хлебных лабазах и т. п.

Губернским городом Самара стала только со второй половины XIX столетия (1851 год) и с этого времени она начинает строиться и приобретать вид культурного центра. Однако эта культура была весьма примитивна и заметно обнаруживалась разве только в правильной, прямоугольной распланировке улиц и площадей города. Канализации в городе не было, вода водопровода имела такой высокий показатель жесткости, что ее можно было употреблять для питья только после осаждения извести химическим путем. Известняк, которым были замощены некоторые улицы, давал огромную массу тончайшей пыли, а немощеные улицы, которых было очень много даже в центральных частях города, были полны глубокого сыпучего песку, как, например, Николаевская улица (теперь Чапаевская), или же утопали в непролазной грязи, особенно весной и осенью.

В жаркие летние дни, когда до города доходило знойное дыхание юго-восточных степей, тучи белой пыли носились по улицам. В такие дни самарский гигиенист, доктор В. О. Португалов, появлялся на улицах в полном санитарно-гигиеническом вооружении: в белом балахоне, с белым зонтом в руках и в очках с защитными сетками. Ни трамвая, ни даже конки в городе не было. Зелени также не было, если не считать Струковского сада, расположенного на краю города, на берегу Волги, и Александровского (теперь сад «Динамо»). Сквер, разбитый вокруг «нового» собора (теперь снесенного), представлял собою куртины жалкого кустарника, отделенные друг от друга ухабистыми дорожками, замощенными тем же булыжником, что и улицы.

В Самаре не было того патриархального, помещичьего уклада жизни, как в старых губернских городах средней полосы России, не было дворянских традиций. Физиономию города определяли купец — хлебный король и «горчишник» — потомок понизовой волжской вольницы, который пытался когда-то осесть на землю и разводить, по примеру сарептских менонитов, горчицу, но потерпел в своем предприятии неудачу и получил по этой причине свое насмешливое прозвище.

В Самаре почти совсем не было родовых дворянских домов, но богатых купцов даже сейчас, по памяти, я могу назвать более десятка. Фамилии Шихобаловых, Аржановых, Башкировых, Беспаловых, Савиновых, Угловых, Субботиных, Грачевых, Курлиных, Челышевых и других были широко известны во всем Среднем Поволжье. Некоторые из этих купеческих семей владели миллионными имуществами и благодаря этому определяли основной тон самарской общественной жизни.

Купцы строили здесь паровые мельницы, элеваторы, пароходы, церкви, вешали на колокольнях двухсотпудовые колокола, в «патриотическом усердии» поставили памятник царю-«освободителю» на Алексеевской площади (сейчас Площадь революции), скупали у крестьян хлеб и гнали его баржами и пароходами вверх по Волге, а с верховьев Волги сплавляли на свои пристани лес. Они же, как представители растущего и крепнущего в 80-х годах капитализма, насаждали здесь и культуру, открыв средние учебные заведения, а впоследствии провели в городе и трамвай.

На другом полюсе социальной пирамиды были рабочие и горчишники, до пота лица своего работавшие в лабазах, на пристанях, в ремесленных мастерских. Ночью с тяжелой «тальянкой» или «саратовской», окованной медью гармоникой с колокольчиками, горчишники оглашали улицы залихватскими напевами «матани», разбивали пивные, трактиры и «минерашки»*, дебоширили в Струковском и Александровском садах.

---

* Лавочки для продажи минеральных вод, которые чаще всего были тайными притонами и торговали главным образом водкой.

Часто пьяные дебоши устраивались на правом берегу Волги, в селе Рождествене. Здесь пьяная компания горчишников, нередко с участием чинов самарской полиции, воровала у крестьян барана, увозила его на отмель или на остров и устраивала ночные пиршества. Полицейские чины считали возможным участвовать в подобных предприятиях потому, что село Рождествено находилось в Симбирской губернии, т. е. вне пределов ведения и ответственности самарской полиции.

Такие происшествия нам, самарской интеллигентной молодежи, нередко приходилось наблюдать во время прогулок на лодках по Волге и Самарке, особенно в мае месяце, в период половодья, когда по широко распространенному в Самаре обычаю начинались массовые катанья на лодках, а подпольщики кроме того, начиная с 1892 года, устраивали первомайские собрания на полянках в береговых зарослях или на островах.

Горчишники — это прослойка весьма разнообразная по своему социальному составу. Здесь были представители рабочего и служилого люда, кустарей, ремесленников и вообще городской бедноты. Это явление весьма характерно для периода роста и укрепления капиталистического строя в условиях самодержавного режима, когда угнетаемые массы городского трудового люда еще не совсем дифференцировались, рабочие еще не осознали своих классовых интересов и не объединились в классовые организации. В больших городах России в ту эпоху почти везде можно было наблюдать подобные явления. Например, между персонажами Глеба Успенского в его «Нравах Растеряевой улицы», где описываются, как известно, окраины Тулы, можно найти типы, близкие к самарским горчишникам.

Рабочих, пролетариев в собственном смысле слова, в Самаре было очень мало. Небольшой гвоздильный завод и железнодорожные мастерские, пожалуй, исчерпывали все предприятия, имевшие рабочих городского типа. Мукомольные мельницы, пароходные и лесные пристани концентрировали вокруг себя преимущественно сезонных рабочих, тесно связанных с деревней, хотя и среди них можно было встретить типичных городских пролетариев. Были еще мелкие промышленные предприятия, как, например, кирпичные, мыловаренные и тому подобные заводы.

В самарском обществе можно было найти либерально настроенных купцов. Вместе с этим можно указать и на революционеров, деградировавших до идеологии и поведения горчишников. К последним относилась группа так называемых «огарков».

В городе имелись две общественные библиотеки — Публичная и Купеческого клуба, называвшегося «Благородным собранием». Клуб был основан помещиками, но «благородное» дворянство очень скоро уступило свое место в нем подлинному хозяину города — купцу, предпринимателю.

Публичной библиотекой заведывали две сестры Богомоловы,

очень культурные общественные работницы, заметно выделявшиеся на фоне тусклой жизни губернского города. Библиотека не отличалась богатством книжного фонда, но ее читальня была всегда переполнена всяческим людом. Здесь находила приют бездомная городская беднота, поднадзорные и даже лица, находившиеся на нелегальном положении. Некоторые заходили сюда погреться во время зимних морозов, а подпольщики назначали здесь деловые свидания, обменивались нелегальной литературой и т. д. Бывал здесь и Ленин.

Как известно, В. И. Ленин пользовался книгами Публичной библиотеки по абонементу Анны Ильиничны. Но он получал также книги и из библиотеки «Благородного собрания», в которой был более богатый фонд толстых журналов и иностранной литературы. Хотя этой библиотекой пользовались только члены клуба, но при желании всегда можно было найти такого человека, который предоставлял свой абонемент другим лицам. А. П. Скляренко, например, пользовался абонементом А. И. Самойлова, а Владимир Ильич мог пользоваться абонементом А. Н. Хардина или какого-либо другого своего знакомого, состоявшего членом клуба.

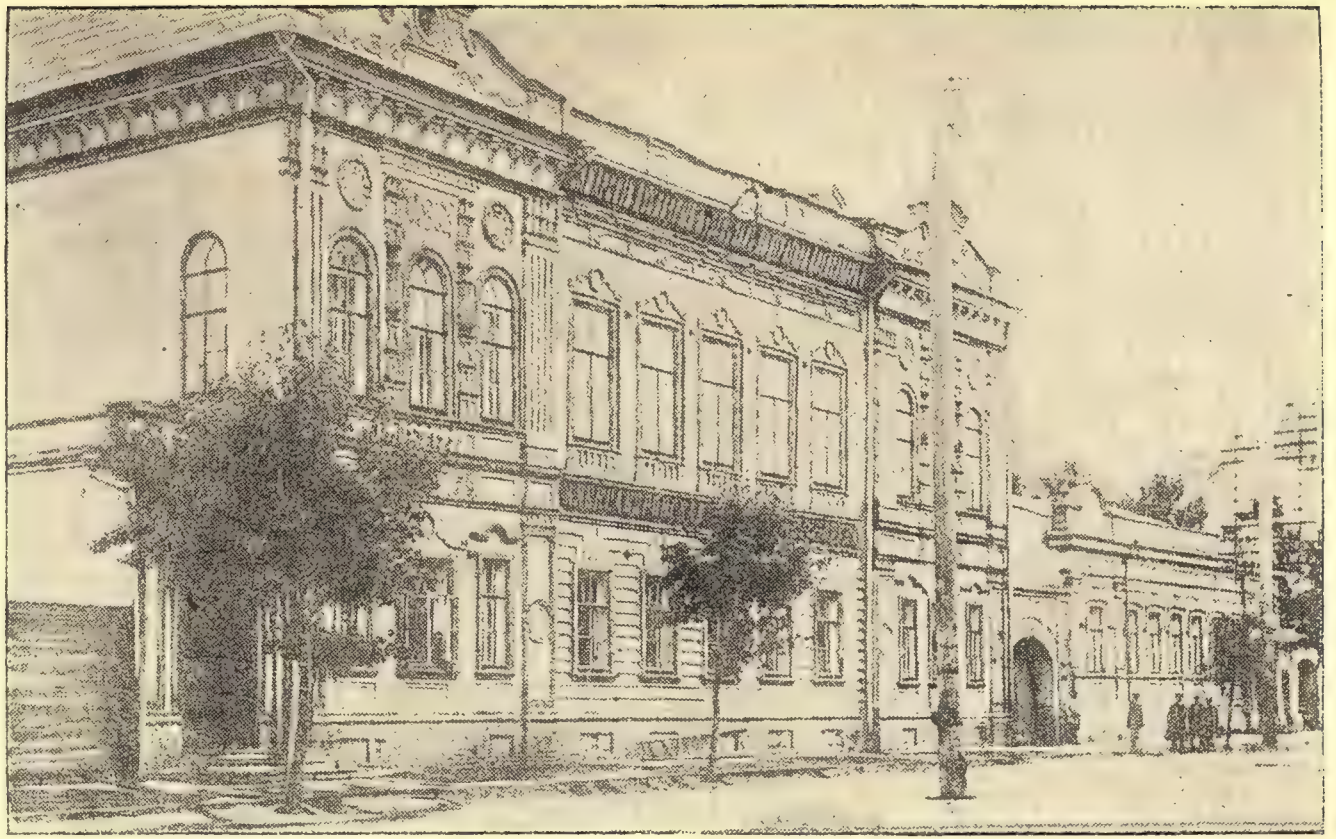
Самара имела в описываемое время несколько средних школ. Это были гимназии — мужская и женская, реальное училище, земская школа сельских учительниц, железнодорожное техническое училище и земская фельдшерская школа. Число учащихся в этих школах измерялось небольшими сотнями, ибо доступ в них для широких масс трудового населения был закрыт высокой платой за «право учения», дороговизной жизни в губернском городе и вообще всей политикой царско-помещичьего строя.

Реальное училище, где я учился, было открыто в 1880 году, и в первый год своего существования имело всего три первых класса; только в 1884/85 учебном году оно стало семиклассным.

Под единственный в городе театр был приспособлен старый купеческий амбар.

Жизнь города сосредоточивалась главным образом на пароходных и лесных пристанях, на паровых мельницах, вообще на берегу Волги, и на базарах. Центральные же улицы были тихи и пустынны. В знойные летние дни воздух прорезывали заунывные, тягучие выклики торговок: «вишóны сладкой, вишóны!» или «яблы́к сладких, ябл-ы-ык!» или «рыбы-воблы, рыбы-воблы!» Женщины-торговки с коромыслами на плечах, обремененные сладкой или соленой ношей, точно жалуясь на безысходность своей доли, плачущими голосами восхваляли свои грошовые товары. Рыба-вобла, арбуз и самарские калачи были основными продуктами питания трудового люда, работавшего на берегу Волги.

Вечером на спусках к реке можно было нередко наблюдать картины ужина грузчиков, бурлаков или мельничных рабочих. Указанное меню дополнялось «полдиковиной» (полбутылкой водки), а иногда тут же на костре варилась и уха из волжской рыбы.



Публичная библиотека в Самаре.

К такой компании рабочих можно было подсесть и чужому прохожему человеку и завести разговор. Этот прием иногда практиковали пропагандисты-революционеры.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Осколки старого народничества. В. В. Филадельфов, Е. Е. Лазарев, А. И. Ливанов, В. Ю. Виттен, И. М. Красноперов, Н. С. Долгов и др.

Во второй половине 80-х годов в Самаре были еще живы традиции старого народничества. Среднее и Нижнее Поволжье было с 70-х годов обетованной землей народников. Они думали, что в народных (крестьянских) массах Поволжья воспоминания о Разине и Пугачеве еще не погасли и что крестьяне могут явиться основной движущей силой в революции. Они верили, что здесь, вдали от центральной власти, крестьянство не примирилось с ярмом самодержавного правительства, и поэтому здесь легче будет поднять крестьян на борьбу с правительством и даже на вооруженное восстание — крестьянскую революцию. Понятие о классовом строении общества и вытекающее отсюда неизбежное следствие, что всякое политическое движение есть выражение классовой борьбы, народникам были чужды.

Кроме того воображение народников пленяло широко распространенное в Поволжье раскольничество. Им казалось, что раскольники благодаря своей спаянности, стремлению изолироваться от властей и официальной религии, а также некоторым рационалистическим тенденциям их вероучений, — создают благодарную почву для распространения идеи крестьянской революции.

Эти представления порождали у народников стремление войти в самые тесные связи с крестьянством. Они организовывали в начале 70-х годов спорадические пропагандистские выступления в деревне, а затем, убедившись на опыте в нецелесообразности этого метода, стали устраивать в деревнях постоянные поселения членов своих организаций.

Одиночками пропагандистами в Самарской губернии были: П. И. Войноральский, А. Квятковский, который занимался разносной торговлей, А. И. Иванчин-Писарев и Е. Н. Фигнер (сестра В. Н. Фигнер). Позднее, во второй половине 70-х годов, здесь в разное время жили: Адриан Михайлов, П. Н. и Ю. Н. Богдановичи, А. К. Соловьев (сначала сельский кузнец в с. Гвардейцах, Самарского уезда, а потом— волостной писарь), стрелявший в Александра II, В. Н. Фигнер, которая работала фельдшерицей в селе Студенцах, Самарского уезда.[1]

Мне приходилось бывать в начале 90-х годов в Студенцах и Царевщине. В обоих этих селениях я встречал крестьян,

знавших В. Н. Фигнер и отзывавшихся о ней, как о человеке, с величайшим уважением, хотя и остававшихся глухими к ее народнической проповеди.

Естественно, что местным центром народнических поселений являлась Самара. К тому же Самара была одним из этапных пунктов, через который отправлялись политические ссыльные в Сибирь, а также возвращались или бежали оттуда. Поэтому здесь нередко задерживались и прочно оседали старые народники — одни для продолжения подпольной деятельности, другие — уставшие и успокоившиеся — для мирного обывательского прозябания.

Идеология народничества, хотя еще и продолжала господствовать в подпольных кружках того времени, в конце 80-х годов не была уже воинствующей, не вызывала энтузиазма в своих адептах. Кризис этой идеологии отчетливо ощущался не только учениками, но и старыми руководителями народнических партий, хотя новая идеология — марксистское революционное учение — еще не вышла на арену политической жизни. «Хождение в народ», как дань отживающему мировоззрению, еще практиковалось отдельными энтузиастами даже во второй половине 80-х годов.

Примыкая по взглядам к народовольцам, я в 1887 году также пытался вести революционную пропаганду в деревне. Разумеется, этот опыт, кроме горького разочарования для меня и поголовного обыска для деревни, ничего не дал...

В то время в Самаре из старых народников жили: Василий Васильевич Филадельфов[2], привлекавшийся по известному процессу 193-х в 1878 году, Егор Егорович Лазарев, который из Бузулука, где он проживал, часто наезжал в Самару (приблизительно в 1886 году был арестован в Бузулуке), Г. А. Клеменц* (я давал уроки его сыну), который много рассказывал мне о своем брате Дмитрие Александровиче, известном народнике начала 70-х годов.

В конце 80-х годов в Самару приехал из сибирской ссылки еще один участник процесса 193-х, Александр Иванович Ливанов с женой Викторией Юлиановной Виттен, которую все называли, упрощая ее «трудные» имя и отчество, Верой Ивановной. Когда я спросил, почему ее так называют, она мне ответила:

— Зовите меня хоть Жучкой, мне безразлично, только работайте для революции.

Виттен искренно считала себя революционеркой и отказывала в этом звании марксистам. Она привлекалась в 1878 году по делу о вооруженном сопротивлении при аресте в Одессе типографии и восьми революционеров, во главе с Иваном Ковальским.

Вера Ивановна не терпела возражений и теоретических рассуждений, которые мы, молодые марксисты, «ученики», как позднее иногда с легкой руки Н. К. Михайловского нас называли, пытались выдвигать против народнических иллюзий. Однако мы отдавали

---

* Г. А. Клеменц привлекался по делу 1 марта 1881 года.

должное прошлому стариков и охотно посещали Ливановых, чаще всего вдвоем с А. П. Скляренко.

Сам А. И. Ливанов, уже больной, утомленный человек, хотя ему еще не было 50 лет, сколь-нибудь активной роли в самарских кружках не играл, тем более, что в это время (1890—1891 годы) большинство кружков уже переходило на марксистские позиции.

А. И. Ливанов был типичным представителем революционных землевольцев (хотя фактически начал свою деятельность раньше оформления «Земли и воли»). Владимир Ильич вел знакомство с Ливановыми, и поэтому не лишне будет дать краткие биографические сведения об Александре Ивановиче.

Он был сыном попа, учился сначала в семинарии, затем в петербургском технологическом институте. В 1873 году он вышел из института и поехал в Харьков, имея намерение поступить здесь в ветеринарный институт, чтобы в качестве ветеринара ближе знать деревню, однако приемного экзамена не выдержал и вернулся в Петербург.

Здесь он познакомился с К. И. Гауэнштейном и другими народниками, усвоил их учение и отправился на Волгу для пропагандистской работы. В Нижнем-Новгороде он организовал кружок семинаристов. В кружке читались сочинения Бакунина, и Ливанов проповедывал идею «хождения в народ». Сам он заделался столяром в сельской мастерской. Кружок его организовал в известном селе Павлове артель кустарей, которая явилась центром революционной работы кружка. После ареста кружка в 1874 году Ливанов отбыл около 4 лет предварительного заключения, судился в 1878 году по процессу 193-х и был приговорен сенатом, как один из серьезных преступников, к 8 годам каторги*. После отбытия каторги и нескольких лет поселения он переехал с женой в Самару.

Какой-либо службы он здесь не имел и перебивался сдельными счетными и компилятивными работами, которые ему предоставлялись из земского статистического бюро (бюро заведывал бывший политический ссыльный И. М. Красноперов).

Позднее А. И. Ливанов жил во Владимире, где и умер, кажется, еще до 1917 года.

С Филадельфовым я познакомился в 1886 году и частенько заходил к нему со своим товарищем по учебе и по кружку, А. Е. Пономаревым. Филадельфов вел кое-какую пропагандистскую работу, главным образом среди учащихся, и именно благодаря его воздействию два моих товарища, ученики шестого класса реального училища, А. Е. Пономарев и И. И. Дудинцев, «ходили в народ» (1884—1885 годы). Возвратившись из деревни, неудовлетворенный своею деятельностью среди крестьян, Пономарев вновь поступил в реальное училище, и мы оказались с ним в одном классе.

---

* В сборнике «Ленин в Самаре» ошибочно указывается, что Ливанов привлекался по делу Долгушина. По этому делу судилось 12 человек в июне 1874 года. Между ними Ливанова не было.

В. В. Филадельфов уговаривал нас «бросить читать умные книжки» и итти в народ. Однако мы уже относились критически к народническим теориям и в свою очередь расспрашивали его, как он «ходил в народ» и что из этого вышло. В ответ он иногда разражался длиннейшими обличительными речами, в стиле Глеба Успенского, против правительства, русского общества, интеллигенции. Эти речи, весьма красноречивые по форме, не содержали в себе однако ничего для нас поучительного и интересного, и мы уходили от него с смутным чувством неудовлетворенности. Народничество в наших глазах явно утрачивало свой кредит. Нас тянуло к «героическим» подвигам народовольцев. Но и «Народная воля» после разгрома (1881—1882 годы) почти не подавала признаков жизни. Поэтому правильнее будет сказать, что мы, называясь народовольцами, в сущности были на распутьи. Никакого цельного, стройного мировоззрения выработать при таких условиях мы не могли. Сильной веры в дело революции, ясной и твердой целеустремленности у нас тогда еще не было. Понятно, каким откровением явилось для нас марксистское мировоззрение, которое принес нам Владимир Ильич.

Необходимо далее дать некоторые сведения еще о двух лицах, имевших отношение к революционному движению 70-х годов, — И. М. Красноперове и Н. С. Долгове, с которыми был знаком и В. И. Ленин.

Иван Маркович Красноперов — один из участников подготовки революционного выступления крестьян в Казанской губернии во время польского восстания 1863 года. Попытка организации этого выступления была предпринята по инициативе штаба польских повстанцев, разославшего своих эмиссаров в некоторые русские губернии, и имела задачей отвлечение русских войск с территории Польши. Однако попытка эта не увенчалась успехом, и польские эмиссары вместе с их русскими товарищами были арестованы. И. М. Красноперов был приговорен к каторжным работам, замененным сначала тюремным заключением, а потом полицейским надзором.

В Самаре Красноперов совершенно отошел от революционной деятельности и никаких связей с подпольными кружками не имел. Он заведывал статистическим бюро губернской земской управы и в качестве такового руководил оценочно-статистическим обследованием крестьянского и помещичьего землевладения. Издававшиеся под редакцией Красноперова статистические сборники содержали богатый материал, освещающий положение крестьянского хозяйства в губернии.

Этими статистическими материалами и в особенности их обработкой с точки зрения народнических теорий интересовались марксистские революционные кружки и прежде всего В. И. Ленин, считавший такую обработку ненаучной и приводящей к неправильным политическим выводам. Эти вопросы вызывали разногласия и споры между марксистами и народниками, и они же были темами бесед

Владимира Ильича с Красноперовым и другими идеологами народничества.

Николай Степанович Долгов в описываемое время также не вел в Самаре никакой революционной работы и причислялся подпольщиками к либералам. Он служил в одном из самарских учреждений (не то в казенной палате, не то в удельном ведомстве) и по традиции поддерживал знакомства с более солидными семьями поднадзорных, поселенных или поселившихся по своей воле в Самаре. Семья Ульяновых, овеянная ореолом дела Александра Ильича, естественно привлекала внимание всех старых народников. Они не ожидали встретить в этой семье такого яркого и сильного представителя нового революционного течения, разрушавшего народнические иллюзии, каким явился Владимир Ильич.

С Долговым В. И. Ленин поддерживал знакомство с целью ознакомления из первоисточника с основами революционных организаций 70-х годов.

Н. С. Долгов, будучи студентом Петровской академии, наиболее революционного учебного заведения в 60—80-х годах, в 1869 году познакомился с С. Г. Нечаевым и скоро стал сторонником его разрушительной теории. Первые организационные собрания нечаевцев происходили в квартире Долгова, и ему была поручена, как члену одного из центральных кружков, организация так называемых кружков первого разряда, по 4—5 членов в кружке. Каждый из членов должен был составлять кружки низшей ступени, т. е. низовые звенья всей нечаевской иерархической системы. Центральные кружки объединялись в отделения, а отделения возглавлялись комитетом «Народной расправы», состав которого не был известен никому из членов организации. Только один член кружка данной ступени знал один из кружков следующей, высшей ступени. Как известно, центрального комитета никогда не существовало, и Нечаев один своей персоной изображал этот комитет.

Н. С. Долгов был присужден в 1871 году (суд над 87 нечаевцами тянулся с июня по сентябрь) к ссылке в Архангельскую губернию, которую отбывал до 1873 года*, после чего его перевели в Самару.

Наконец, следует упомянуть еще об одном человеке, с которым в Самаре был знаком В. И. Ленин. Это был Ф. Е. Буров. Он был известен в Самаре не как революционер, а как талантливый и весьма разносторонне образованный человек. Он был художник, а также занимался и химией. Его знакомых интересовали картины, которые он писал, и многие, в том числе Владимир Ильич, ходили к нему смотреть его художественные произведения. Широкая же самарская публика знала его как пиротехника, так как иллюминации и фейерверки в Струковском саду во время народных гуляний обычно устраивались под руководством Бурова.

---

* В сборнике «Ленин в Самаре» Долгову ошибочно приписывается участие в кружке Долгушина.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мое первое знакомство с подпольной литературой. В. К. Шлегер. Первый школьный кружок и его занятия. Губернаторское общежитие. Реальное училище и его учителя.

Мое революционное крещение произошло еще в 1885 году, когда мой одноклассник, Владимир Карлович Шлегер, уже взрослый юноша, ведший себя в классе как-то обособленно и довольно таинственно, после нескольких бесед со мною на политические темы пригласил меня к себе на квартиру. Здесь он без всяких подготовительных разговоров отпер потайной ящичек в стене своей комнаты и, покопавшись там, вынул и предложил мне прочесть рукописную брошюру. Это были «Письма от мертвых к живым», написанные в стенах Алексеевского равелина (Петропавловская крепость), как мне впоследствии стало известно, В. Свитычем, одним из участников одесского вооруженного сопротивления при аресте типографии (о котором говорилось выше). Тогда же мы думали, что «Письма» написаны первомартовцами. Оригинал, как там говорилось, был написан кровью.

Шлегер вышел из комнаты и запер меня на ключ. Я, как зачарованный, не отрываясь от тетрадки, прочел ее всю, не заметив даже, что мой просветитель уже вернулся в комнату и сидел рядом со мною. Впечатление было потрясающее. Немедленно же мы решили организовать в школе кружок для совместного чтения политической литературы, для саморазвития и подготовки к революционной деятельности.

Первыми членами этого кружка были Норватов, Саратовцев, Кравцов Иван Павлович (впоследствии горный инженер, работавший и умерший в Сибири), Андреев Владимир Максимович, или просто «Максимыч», впоследствии привлекавшийся по первому политическому делу А. П. Скляренко (умер после Октябрьской революции в Нижнем-Новгороде), и Константин Васильевич Васюхин, по прозвищу «Дикий».

Максимыч и Дикий жили со мною в общежитии для учеников средних школ, организованном губернатором Свербеевым для неимущих школьников, и с ними я был более близок. Костя Дикий представлял собою весьма оригинальную фигуру, и на нем следует остановиться несколько подробнее.

Он был сыном какого-то фельдшера-вольнодумца, воспитывавшего своих детей в духе полной религиозной свободы. Костя был «некрещеный», числился молоканином, не имел метрической выписи, но каким-то образом отец устроил его в железнодорожное техническое училище, где он готовился стать машинистом на железной дороге. Это был уже взрослый, лет 20 с чем-то, талантливый и довольно начитанный человек. У него была неистощимая фантазия. Его сказки и рассказы, которые он импровизировал когда угодно

и в каких угодно размерах и рассказывал нам, нередко занимали у нас целые вечера. Костя писал лирические стихотворения, баллады и даже целые поэмы, в которых очень едко и тонко высмеивал начальство и своих товарищей. Любимым его писателем был Жан Жак Руссо.

Это был великолепный товарищ, необычайно добрый и весьма активный в общественных делах. При благоприятных условиях из него вышел бы настоящий революционер и незаурядный поэт. Однако этого не случилось. Костя Васюхин по окончании школы работал помощником машиниста, и казалось бы, что, вращаясь в среде железнодорожных рабочих, он должен был найти свою надлежащую дорогу. Но эта среда в то время еще не имела оформленной классовой пролетарской идеологии. Васюхин скоро оторвался от наших революционных кружков и завяз в болоте мещанской жизни. Он неудачно женился, стал пить и окончательно забросил свое писательство. Что с ним сталось в конце концов, я не знаю — года через два я совсем потерял его из виду*.

Губернаторское общежитие, в котором мы жили, находилось на Николаевской улице (теперь Чапаевская), недалеко от земской школы сельских учительниц, помещавшейся на углу Алексеевской (сейчас Красноармейская) и Николаевской улиц. Общежитие занимало второй этаж деревянного дома. (В нижнем этаже был так называемый Алексеевский детский приют для мальчиков.)**

Так как условия жизни в общежитии много способствовали развитию в нашей среде протестантских настроений и организации подпольных политических кружков, то я опишу жизнь этого учреждения более обстоятельно.

Общежитием заведывал чиновник губернаторской канцелярии Василий Иванович Есипов, а его жена, Наталья Дмитриевна, заведывала детским приютом.

Есипов, или «Васька Кривоногий», как мы его звали за нескладную сутулую фигуру, был рядовым мелким чиновником со всеми недостатками и слабостями этой категории людей. Он был строг, несправедлив к воспитанникам общежития, нечист на руку в хозяйственных делах и кроме того имел сильное пристрастие к крепким напиткам.

Он нещадно нас преследовал за курение табака, за непосещение церкви, пение народных песен, чтение книг ночью в спальнях, шумные игры, порчу казенных вещей и за прочие провинности. Од-

---

* Он выведен у Скитальца в «Огарках» под видом какого-то чудака-рассказчика. Характеристика, совсем не отвечающая действительности. В 1889 году он отсидел полгода в «Крестах» (кажется, за оскорбление «величества»), после чего некоторое время жил у отца в Николаевском уезде, а затем в Самаре, где сошелся с огарками.

** В 1932 году, гуляя по самарским улицам и вспоминая старину, я нашел этот дом и даже зашел в него. Он сохранился в полной неприкосновенности как снаружи, так и внутри.

нако применять какие-либо наказания он не решался, так как в общежитии были рослые парни лет по 17—18, которых он боялся. Он ограничивался тем, что доносил о каждом проступке воспитанников губернатору, и уже «дедушка», как иронически звали в общежитии губернатора, налагал на провинившихся взыскания.

Однажды воспитанники выбросили в уборную весь ужин, приготовленный из недоброкачественных продуктов. На другой день к нам явился Свербеев. Потрясая седыми бакенбардами, он долго разносил нас и, наконец, оставил всех без ужина на целую неделю.

Во время своих посещений общежития губернатор обходил комнаты, заглядывал в шкафы, рылся в книгах и требовал на просмотр тетради классных сочинений по русскому языку. Найдя раз последний номер только что закрытых правительством «Отечественных записок», который мы с Максимычем вместе читали, губернатор воскликнул:

— Вы, разлюбезные, читаете проклятые журналы!

Это было в 1884 году, когда я перешел из пятого класса в шестой, а Максимыч из шестого в седьмой. Уже в это время мы читали в «Отечественных записках» Щедрина, Демерта, Елисеева, Михайловского и М. Белинского (И. Ясинского) и, как указывалось выше, начинали участвовать в нелегальных кружках.

В этом же году произошла такая история. Свербеев отобрал у меня классное сочинение на тему «Надежда и воспоминание» и, найдя в нем цитату из Руссо, стал допрашивать, откуда я получил сочинения Руссо. Я ему ответил, что Руссо не запрещен и его можно получить в любой библиотеке. Этот ответ еще больше разозлил царского сатрапа и он, прочитав мне длиннейшую нотацию, передал сочинение директору реального училища для соответствующего воздействия на меня. Директор же передал тетрадку А. И. Павлову, нашему учителю русского языка, по заданию которого было написано сочинение. К величайшему удивлению всего класса, Павлов, не обнаруживавший ранее никакого либерализма, устроил обстоятельный разбор сочинения в классе. Он доказывал, что архитектоника сочинения вполне соответствует требованиям теории словесности и что автор его стоит на точке зрения Бэна (которого я тогда еще не читал) о болевом происхождении воспоминания и т.д. В заключение он написал «отлично» и поставил пять с плюсом. Не знаю, что получил Павлов за эту демонстрацию от директора, но последний вырезал сочинение из тетради и приказал мне написать другое, без цитат из крамольных авторов.

Свербеев жил в губернаторских апартаментах (что-то около 23 комнат), на углу Алексеевской площади и Дворянской улицы, в одиночестве, если не считать окружавшей его многочисленной челяди. Изредка только наезжал к нему сын его, лицеист Мика, который вносил некоторое оживление в пустынные залы и гостиные папаши. Все комнаты его квартиры были увешаны и уставлены иконами. Иконы самых разнообразных размеров, типов и фасонов ле-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

жали также стопками на столах и даже на диванах. Однажды Свербеев раздобыл где-то безрукого и безногого живописца. Этот обрубок писал ему иконы, держа кисть в зубах. И вот губернатор вздумал подарить реальному училищу одно из произведений этого «художника» — икону «святых» Кирилла и Мефодия, специальностью которых считалось обучение и воспитание юношества. Эта икона с крупной надписью золотыми буквами «сия икона писана зубами» была поставлена на видном месте в актовом зале реального училища. Школьники, к величайшему конфузу учителей и директора, собирались толпами перед иконой и издевательски спрашивали начальство:

— Как же это можно написать икону не кистью, а зубами?

Свербеев, разъезжая по губернии, прежде всего являлся в церковь. Здесь он «прикладывался» ко всем иконам. Если они были поставлены на иконостасе высоко, ему подавали лесенку, а иконам, недосягаемым и при помощи лестницы, он посылал лобзания через свою трость.

Этот полоумный старик только по внешности был добродушен, в действительности же был злым, мстительным царским сатрапом.

После инцидента с классным сочинением я самовольно ушел из общежития и стал жить вместе с Максимычем на частной квартире. Здесь наша кружковая деятельность стала развертываться шире и свободнее. Свербеев преследовал нас и после нашего бегства из-под его опеки. Он явился на «торжественный акт» (так назывались собрания учеников, их родителей и педагогов для оглашения результатов экзаменов и вручения ученикам наград) в училище и произнес речь против крамольных школьников, называя наши фамилии. Я был под угрозой исключения, но все же исключен не был. Причина оставления меня будет понятна из дальнейшей характеристики режима училища и его преподавателей.

Реальное училище в Самаре в первые годы своего существования значительно отличалось от обычной средней школы того времени и при том в лучшую сторону. При его открытии в старший класс (третий) попали великовозрастные ребята, неужившиеся в других школах. Между ними были семинаристы, ученики вольского неполного реального училища, которое в то время считалось почему-то «штрафным», и прочие неудачники.

В последующие годы у нас стали появляться (в седьмом классе моего выпуска, например) даже люди, побывавшие в высших учебных заведениях*. Такой состав старших классов создавал атмо-

---

* Как известно, в то время по окончании шести классов реального училища можно было поступать в некоторые высшие учебные заведения, например, в ветеринарные институты, в рижский политехникум и др. Седьмой класс считался «дополнительным», и окончание его открывало возможность поступления во все технические высшие школы, каковы Петровская академия, горный, путейский, технологический, лесной и другие институты. Этим и объясняется возможность появления в седьмом классе бывших студентов.

сферу некоторой свободы и независимости суждений в среде учеников, облегчал возможность их организации в целях коллективных протестантских выступлений и т. д. Другая особенность училища заключалась в том, что между учителями оказались люди, много содействовавшие нашему общественно-политическому развитию.

Это, во-первых, учитель математики, Владимир Александрович Ломан, у которого нередко собирались некоторые ученики старших классов для бесед на общественные темы. Он и его жена, Варвара Константиновна, снабжали нас книгами и статьями Добролюбова, Писарева, Чернышевского, Герцена, Лассаля и т. п. В конце 80-х годов в наказание за свой либерализм Ломан был переведен не то в Елабугу, не то в Сарапул.

Второй — Павел Александрович Ососков, учитель естествознания, читавший нам часто на уроках статьи Писарева, Лаврова (Миртова) и Михайловского и сопровождавший чтение длинными и красноречивыми объяснениями. После его речей в классе даже устраивались дебаты. На случай прихода директора у Ососкова всегда под книгой, которую он читал, лежала книга какого-нибудь натуралиста, вроде Брема, Гартвига и т. п. При появлении начальства он ловко вынимал эту книгу и продолжал чтение уже на чисто школьную тему. На дому у него также происходили собрания учеников.

П. А. Ососков был весьма оригинальным человеком. За малый рост ученики прозвали его «Пипином Коротким». Он имел на голове какой-то неопределенного цвета бурьян густых, торчавших вверх волос, о которые спокойно обтирал руки, вымазанные мелом, или перья. В отношениях с учениками он был чужд всякого формализма и держался с ними по-товарищески. Он часто водил нас на экскурсии по ботанике, геологии. В «страстной» четверг, перед пасхой, он рано утром шумно врывался в наше общежитие и с веселой улыбкой на своем широком курносом лице звал нас на «исповедь». Он знал, что поп будет нас преследовать за неисполнение обрядов исповеди и причащения, и старался предотвратить эту неприятность. Он был украинец и говорил с акцентом.

— Та ну ж, мы целый год «грешили». Пойдем теперь, ребята, отбывать повинность — исповедываться.

Он намекал на свои лекции и беседы в классе, где религия и попы частенько бывали объектами жестокой критики.

П. А. Ососков был видным геологом, исследователем пермских отложений на Волге, состоял членом геологического комитета и написал ряд ученых работ. Умер он в Петербурге перед войной 1914 года.

Молодой словесник А. И. Павлов, который держался с учениками сухо и формально, не побоялся, как мы уже видели, конфликта с губернатором.

В общежитии после смерти Есипова (он где-то в пьяном виде объелся мороженого, сломал палец и умер от столбняка) надзира-

телем был назначен бывший семинарист П. А. Введенский. Он ввел в общежитии общую утреннюю молитву. Общежитие в это время уже было переведено в другое помещение, в дом Рамзина на Успенской улице (теперь Комсомольская).

Вставали утром очень рано, так как многим нужно было попасть в школу к 8 часам. И вот заспанный Введенский, в нижнем белье, едва прикрытом сверху стареньким летним пальтишком, неумытый, растрепанный, являлся в зал на молитву. Он становился впереди толпы питомцев и запевал тенорком молитву, а мы должны были подхватывать и хором ее продолжать. Мы сговорились отучить Введенского от этих песнопений. В одно прекрасное утро, едва Введенский успел затянуть первую молитву, как впереди него встал один из питомцев, Ф. К. Бобров, и звонким голосом запел «царю небесный» (первая молитва). Введенский опешил от неожиданности. Однако пели все дружным хором и весьма стройно. Убедившись, что ребята хорошо справляются со своей задачей и без его руководства, Введенский не препятствовал запевале начинать и следующие молитвы. Дальше следовали «преблагий господи», «богородице, дево», «достойно есть», «боже, царя храни».

Чем дальше шло пение, тем больше стали меняться мотивы. Слова произносились молитвенные, а мотив стал походить на мотив волжской «матани», а потом уже послышались совсем немолитвенные слова.

Надзиратель, видя, что попал впросак, пытался остановить пение, потом старался перекричать толпу ревущих ребят. Но это ему не удавалось: «богородице, дево» как-то незаметно перешла в веселую песню:

Провожала,
Жалко стало,
Села, встала
И упала!

Сзади слышались характерные для этой песни уханья, оханья и взвизгиванья.

Введенский позеленел от злости, но разухабистая песня продолжалась; она наполняла весь дом и вырывалась на улицу, к великому удовольствию ребят. Ярость надзирателя достигла высшего предела, когда и гимн «боже, царя храни» также постепенно превратился в веселую частушку. Озорные куплеты следовали один за другим:

У гармошки
Медны ножки,
Золоченые меха,
Хи-хи-хи и ха-ха-ха!

и т. п.

— Этого я вам уже не спущу! Это пахнет политикой! — кричал Введенский после окончания этой оригинальной «молитвы». Однако донести губернатору о проделке воспитанников он не посмел, оче-

видно, опасаясь за свою шкуру, но общей молитвы он больше не пытался устраивать.

Возвращаясь к реальному училищу, я должен отметить, что директор его, Алексей Петрович Херувимов, не отличался строгостями. Он исполнял предписания высшего начальства в меру необходимости, но без большого усердия. Отношения его к ученикам были в общем благожелательными.

Произошел, например, такой случай. Ученики седьмого класса выгнали из класса учителя французского языка Бориса Пенинского, преследуя его до самых выходных дверей. Эта участь постигла его за то, что он нередко приходил на уроки в нетрезвом виде, был придирчив, раздражителен и часто похвалялся тем, что он дворянин, и что его род записан в «бархатную книгу». Херувимов, узнав о происшествии, явился в класс и сказал:

— Вот выгнали француза и не будет у вас больше французского языка.

Никакого взыскания на учеников за их самоуправство наложено не было. Но нового француза на оставшиеся до окончания курса несколько месяцев директор действительно не пригласил. Француз появился только на следующий учебный год.

У нас был еще преподаватель математики М. К. Андреев, грубо обращавшийся с учениками, особенно низших классов. Плохо ответившего у доски ученика он по обыкновению брал своей сильной мускулистой рукой за шиворот и «легким» толчком направлял к парте с таким, примерно, напутствием: «Иди, шалопай, на ме-сто!» Во время же ответа урока он вытаскивал у ученика из карманов куртки находившиеся в них вещи — ученический билет, бумажки, ученический галстук, если он был туда засунут, и т. п. Однажды он толкнул одного ученика второго класса так сильно, что последний упал и раскровянил себе нос. Прибежав с жалобой к директору, ученик услышал от него: «Поди и умойся!».

Возмущенные этими фактами, мы (будучи уже в шестом классе) решили предать их гласности. Я написал корреспонденцию и послал в суворинское «Новое время». Корреспонденция была напечатана, и мы с торжеством читали ее в классе. Нужно было дать ее прочесть Андрееву. Для этого я сложил номер газеты так, чтобы корреспонденция оказалась на виду и, рассчитывая, что Андреев вызовет меня к доске, воткнул ее в боковой карман куртки. Мои расчеты оказались правильными: Андреев вызвал меня к доске и тут же выдернул газету из моего кармана. Весь класс с величайшим вниманием следил за сценой, происходившей у доски. «Пудель» (так звали Андреева за его кудрявую голову) сразу напал на корреспонденцию и начал ее читать. Лицо его стало краснеть, а потом, по мере ознакомления с содержанием заметки, багроветь. Читая газету, он потихоньку поворачивался к классу спиной, стараясь скрыть свой стыд и волнение. Он забыл даже, что перед ним стоит ученик и что его надо спрашивать, и внимательно читал газету, перевора-

чивая все ее восемь листов. Наконец, овладев собой, он скомкал кое-как газету, воткнул ее в мой карман и стал спрашивать меня, стараясь показать, как будто ничего не произошло. Обойтись грубо он со мной не посмел, потому что для этого у него не было никаких оснований: урок я отвечал хорошо.

В заключение нужно отметить, что самарское реальное училище в конце 80-х и начале 90-х годов дало значительное число лиц, в той или иной мере участвовавших впоследствии в революционном движении.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Кружок А. Е. Пономарева. Собрания в квартире жандарма. Литература и каталоги для систематического чтения. Кружки железнодорожников.

Наш школьный кружок существовал только один год и явился в сущности подготовительным этапом для перехода к следующей, более широкой и более серьезной подпольной организации.

В 1886 году В. К. Шлегера в школе уже не было. Он переехал куда-то в другой город, а вместо него у нас появился новый организатор кружков — Алексей Ефимович Пономарев, по происхождению самарский мещанин.

Пономарев, как указывалось выше, уже имел некоторый политический опыт. В период своего «хождения в народ» он сделался сельским учителем, но, не прожив в деревне и года, вернулся в Самару для окончания курса реального училища. Он никогда не рассказывал мне о причинах неудачи его «хождения в народ», но общее впечатление из разговоров с ним получилось такое, что в деревне делать нечего, так как там никакой почвы для революционной работы нет.

Будучи в одном классе со мною, Пономарев ввел меня и Николая Фолькмана в некоторые самарские кружки. Н. Фолькман был братом жандармского офицера. Однако это не помешало Пономареву организовать первые собрания нашего кружка, которым он руководил, именно в квартире Фолькманов.

Жандарм об этих собраниях, разумеется, ничего не знал, но квартира его оказалась для нас особенно удобной, так как слежки за ней, конечно, быть не могло.

В этом же кружке был Николай Соколов, сын одного из самарских частных приставов. Н. Соколов, между прочим, выполнял в нашем кружке весьма любопытную роль контрразведчика: он вел наблюдение за шпиками и филерами. Одевшись ночью в старенькое пальто и подпоясавшись ремешком, с дубинкой в руках он походил на ночного сторожа и носил в кружке кличку — «караульщик». До начала собрания и по окончании его Соколов обследовал все улицы и переулки района, в котором происходило собрание, и предупреждал нас, если выслеживал шпиков.

Каждый член кружка читал дома литературу по особой программе, а на собраниях кружка читались главным образом книги по политической экономии. Занятия велись по Иванюкову, читались также статьи Н. Зибера, но марксистского понимания экономики у нас еще не было. Положения так называемой «классической» экономии перемешивались и отлично уживались с марксистской теорией. В кружке читали также Милля с примечаниями Чернышевского, книги Адама Смита, Рикардо, Кенэ и Гурне и т. п.

Дома читалась разнообразная литература: Тэйлор — «Первобытная культура», Писарев, Добролюбов, Спенсер, Мен, Гальтон, Миртов (Лавров) — «Исторические письма», учение физиократов в изложении американского экономиста Кэри —«Начала социальной науки», Флеровский — «Азбука социальных наук», книги по истории французских революций 1789 и 1848 годов и т. п.

Из беллетристов помню Чернышевского («Что делать?», «Пролог к прологу»), Эркмана-Шатриана («История крестьянина» и мелкие произведения), Светлова-Омулевского («Шаг за шагом»), Вологдина, Станюковича, Шеллера-Михайлова, Глеба Успенского, В. Гюго («93-й год»), Шпильгагена («Один в поле не воин»), Златовратского, Герцена, М. Белинского (И. И. Ясинского)*, Альбова («О том, как горели дрова», «Воспитание Лельки»), Решетникова, Наумова, Осиповича-Новодворского («Эпизоды из жизни ни павы, ни вороны»), Короленко, только начинавшего тогда свой творческий путь.

Особенно усердно читали мы статьи из старых журналов: «Современник», «Отечественные записки», «Слово», «Дело», «Знание», «Вестник Европы», «Русское богатство». Излюбленными авторами в этих журналах были Чернышевский, Лавров, Ткачев, Кольцов, Валентинов (Плеханов), Зибер, Алексеев, В. В. (псевдоним В. П. Воронцова, одного из главных теоретиков народничества 80—90-х годов), Южаков, Михайловский, Кареев, М. Протопопов (Морозов), Скабичевский, Демерт.

Из нелегальных изданий читались лавровский журнал «Вперед», «Хитрая механика», «Речь Мышкина», «Царь-голод», речи и статья Лассаля и др. Были и произведения Бакунина, но его федералистическая теория не привлекала наших симпатий, так как казалась утопической, хотя учения Маркса о государстве и марксистской критики анархизма мы еще не знали.

Были в ходу многочисленные каталоги систематического чтения. Все они были чисто народнического направления. Лучшими считались каталоги «Лавровский» и «Челябинский»**. Первый был составлен известным эмигрантом П. Л. Лавровым, а второй — группой ссыльных в Челябинске. Принципиальной разницы между

---

* Его первые рассказы в «Отечественных записках».

** Челябинский каталог был издан легально, как каталог книжного магазина бр. Покровских в Челябинске, и хотя потом был конфискован властями, но большую часть тиража удалось спасти.

этими каталогами не было: оба они представляли собой эклектический набор самых разнообразных книг, брошюр и журнальных статей наманер приведенного выше списка. Лавровский каталог отличался разве только тем, что больше включал в себе солидных книг теоретического содержания.

Провалов кружка не было, если не считать «обысков», которые иногда производились у некоторых членов кружка их матерями. Так, матери Н. Соколова и А. Пономарева, сговорившись между собою, однажды произвели у своих сыновей тщательный обыск и найденную у них нелегальную литературу сожгли. Сердобольные матери, разумеется, хотели предохранить своих детей от возможных арестов, но все же этот факт заставил нас больше конспирировать наши собрания и обратить внимание на лучшее хранение литературы. Как раз в это время произошел обыск в одном из гимназических кружков, руководителем которого являлся В. В. Савицкий. Другой обыск имел своим результатом арест некоего Хованского*, который вел себя на допросе настолько подозрительно, что в кружках говорили о наличии здесь предательства. Хованский был освобожден из-под ареста, а затем совсем исчез из Самары.

Наш кружок имел связь с другими кружками, из которых нужно прежде всего отметить кружки учеников железнодорожного технического училища и помощников машиниста. В них входили Федор Барабаньщиков, Ф. Скороходов, Д. Юренков (известный под кличкой Митяги), Константин Елфимов, а из более старых железнодорожников — Владимир Иванович Соколов, работавший главным образом в кружках фельдшерской школы.

Колоритную фигуру представлял собою Федор Барабаньщиков. Высокого роста, красивый парень, он был типичным самарским пролетарием того времени. Барабаньщиков жил на окраине города со старухой матерью и работал на железной дороге помощником машиниста. Иногда мы с А. Е. Пономаревым собирались у него, сюда же он созывал и других своих коллег по работе. Помню, что его не удовлетворяли наши интеллигентские разговоры о революции, возникновения которой почему-то тогда ждали в недалеком будущем. У Барабаньщикова, как и у его товарищей, были смутные, неоформленные упования на большую роль в революции организованных рабочих масс. Не умея ясно формулировать свои мысли, он предлагал всегда какие-нибудь решительные, совершенно фантастические планы и связывал их почему-то с Доном. «Вот возьму плюну на все и уйду на Дон», — было выражением его затаенных мечтаний. Он действительно уехал из Самары и работал где-то на юге. Что с ним потом сталось, — я не знаю.

Другой любопытной фигурой был Митяга. Он был большой, нескладный парень, — тоже помощник машиниста. Аккуратный

---

* О деле Хованского некоторые сведения сообщаются в «Огарках» Скитальца и в его же «Воспоминаниях».

и весьма хозяйственный человек, исправно приносивший матери все свое жалованье, он с каким-то удивлением и чрезвычайным интересом наблюдал наше интеллигентско-богемское житье. Ему хотелось проникнуть внутрь интеллигентской революционной души и посмотреть, чем и для чего она живет. Слушая наши «ученые» разговоры, он спрашивал, откуда мы все это знаем и все хотел сам проверить по самым надежным первоисточникам.

Однажды, придя ко мне в гости, когда я жил на Троицкой улице (сейчас Галактионовская) в мансарде вместе с А. П. Скляренко, и увидев, что в моей комнате совсем нет стульев, а есть только кровать, стол и чемодан, он стал меня выспрашивать: «Ну, как же ты так живешь? А, например, у тебя чулки есть?»

Митяга много читал (он окончил железнодорожное училище), но плохо понимал прочитанное и страстно домогался проникнуть во все тонкости революционных теорий. Митяга был неглупым человеком, но неуменье взять подходящий тон в кружковых и просто обывательских сношениях с другими делало его предметом всяческих шуток, насмешек и озорства. В одной из поэм К. Васюхина, его товарища по школе, описывалось и иллюстрировалось картинками путешествие Митяги на охоту. Там были, между прочим, такие строки:

Нет на свете чудаков,
Как Митяга Юренков.

Впоследствии однако я узнал, что Юренков добился своего. Он уехал в Бельгию и долго работал в Льеже на заводах, читал «Капитал» Маркса во французском издании, а по приезде в Самару со всеми заговаривал по-французски. Таким я его уже не видел.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Кружки братьев Гауэнштейн и Зайцевских. Заезжие агитаторы. Эволюция Пономарева. „Огарки". Пивная Беккера.

В то время в Самаре также жили братья Гауэнштейн[3], с которыми наш кружок имел сношения. Это были немцы из Екатеринштадта (теперь Марксштадт). Вокруг них группировалась некоторая часть самарской революционной интеллигенции. У Гауэнштейнов можно было всегда послушать политические разговоры, найти нелегальные издания. Помню, что они как-то смыли замазанное цензорской икрой место в немецком словаре, прочли и перевели оттуда описание убийства Павла I.

Следует упомянуть также кружок братьев Зайцевских — Сергея и Петра Викторовичей. Старший из них служил в железнодорожных мастерских, а младший, Петр — где-то в другом месте, кажется, в банке. У них собирались подпольщики. Здесь практиковалась система докладов. Кто-нибудь готовился по определенной теме политического или экономического содержания и делал доклад, который

потом обсуждался. Здесь иногда, как, впрочем, и в других кружках, появлялись заезжие агитаторы и пропагандисты, которые произносили бесконечно длинные речи, чаще всего по вопросам объединения сил и поднятия революционного движения. У каждого из них был какой-нибудь свой определенный рецепт, который он развивал и обосновывал.

Помню одного молодого юриста из Киева, некоего Россиневича, который пространно и очень красноречиво критиковал народничество и народовольчество, но предложил с своей стороны такую умеренно-либеральную программу, что вызвал среди слушателей ряд недоуменных вопросов и реплик. Почувствовав свой полный провал, оратор умолк и стушевался.

Здесь выступал довольно известный тогда в подпольных кружках Миров (Миролюбов, впоследствии издававший «Журнал для всех»). Его выступления также не собирали ему адептов, и если он и пользовался в интеллигентских кружках некоторым успехом, то лишь как обладатель красивого и сильного баса.

Помню одного заезжего агитатора, представителя какой-то центральной революционной организации, посетившего в 1888 или 1889 году многие самарские кружки. Его сопровождала молодая девица, Катя, с большой русой косой. Он произносил речи, или точнее делал доклады по пяти часов и «начинал с атома». Это был, повидимому, Сабунаев[4]. Спутницей же его была, кажется, Софья Гинзбург[5]. Позднее А. П. Скляренко рассказывал мне, что он встретил этого агитатора в одной из этапных партий, направлявшихся через Самару в Сибирь.

Предполагаемый Сабунаев в своих выступлениях обосновывал программу обновленной «Народной воли», но особого успеха в самарских кружках не имел: насколько мне известно, после его отъезда из Самары никакой новой революционной организации здесь не возникло. Крах старых партийных программ и народнического мировоззрения революционной интеллигенции обнаруживался все отчетливее и яснее.

Здесь уместно сказать несколько слов о судьбе организатора нашего кружка — А. Е. Пономареве. Мы вместе с ним окончили реальное училище и оба поступили в Петровскую академию, из которой были исключены и высланы в 1887 году обратно в Самару. Еще до поступления в Петровскую академию у Пономарева стал наблюдаться некоторый надлом — очевидная неудовлетворенность нашей кружковой жизнью и деятельностью. Все чаще и чаще после собраний стали мы посещать пивные, рестораны и Александровский садик с его так называемым вокзалом. Коноводом и тут был Пономарев, который больше всего стал предаваться веселым, а иногда даже буйно-отчаянным развлечениям. Здесь сказалась его «горчишная» натура. Ночные уличные подвиги, стычки с полицией, портерные, «минерашки» и другие притоны, — вот что стало объектом преимущественного внимания Пономарева. В дни отрезвле-

ния он ходил мрачный и злой, а как только получал деньги (он жил уроками), вновь начинал свои оргии. Прямой и искренний человек во всех своих действиях, Пономарев, все более и более убеждаясь в безрезультатности и бесцельности работы в подпольных интеллигентских кружках, постепенно начал отходить от них. Утратив старую «веру», он не мог найти для себя нового пути. Он пристал к «огаркам» и завяз в тине их бесшабашной жизни. Я его встречал в Самаре еще в 1890 году, когда мы с А. П. Скляренко уже работали в кружке совместно с Владимиром Ильичем. Пономареву не пришлось встретиться с Лениным. После указанного года он окончательно исчез из Самары — уехал в Сибирь.

Теперь несколько слов об «огарках». Этим презрительным, но весьма метким названием была окрещена группа самарских интеллигентов, частью порвавших с революционными кружками, а частью никогда в них не входивших и опустившихся до полной потери человеческого облика. Эта группа и ее подвиги описаны в произведении писателя-самарца, Скитальца (Степана Гавриловича Петрова), но это описание грешит излишней и совершенно не отвечающей действительности идеализацией, а подчас просто беллетристической выдумкой. В эту компанию входили из упоминаемых мною лиц — К. В. Васюхин и А. Е. Пономарев*. Из других ее членов заслуживает упоминания В. А. Альбрехт — рабочий Жигулевского пивоваренного завода, высококвалифицированный слесарь, умный, чрезвычайно симпатичный человек, попавший в эту пьяную компанию случайно, по своей слабохарактерности, а главное потому, что в то время в рабочей среде Самары еще не народилось никаких революционных организаций. К «огаркам» принадлежали также статистик Поспелов («Нижегородец» у Скитальца), техник-венгерец Пискра, купеческий сын Гаврила Углов. Компания эта дополнялась пожилой хромой женщиной — Павлихой, хозяйкой огарческой квартиры, и ее сыном-техником, которому огарки дали обидное и несправедливое прозвище — «Васька-Слюнтяй».

Огарки зло, не стесняясь в выражениях, высмеивали кружковую жизнь и «сусальные добродетели» интеллигенции. Козлом отпущения чаще всего для них служил вечно ищущий, ко всему приглядывавшийся и иногда посещавший их Митяга Юренков. Своими разговорами с ним, незаметно переходившими в издевательство над всем, что Юренкову казалось заслуживающим уважения, они приводили смирного и спокойного по натуре парня в такую ярость, что он с проклятиями покидал «пьяную фракцию» (как иногда именовали себя огарки), заявляя при этом: «Ноги моей здесь больше не будет!»

В их единственной общей комнате, где в переднем углу висел нарисованный Васюхиным большой рогатый и хвостатый чорт, можно было видеть такую картину: на столе четверть водки, на полу

---

* В «Огарках» Скитальца Пономарев выведен под именем студента Сашки.

корзина пива, а на коленях каждого огарка по большому решету с вареными раками. Амфитрион — глава «фракции» А. Н. Тиханин (бывший студент Лесного института) — в турецкой феске с красной кистью, в широких синих шароварах и туфлях на босу ногу исполняет балетные номера, показывая «стальной носок», или издевается над каким-либо случайно зашедшим в комнату посторонним человеком, вроде Юренкова или того же Скитальца. Остальная компания весело хохочет и, что называется, подливает масла в огонь, всячески обостряя тему препирательств.

Критикуя кружки за отсутствие в них здоровой революционной деятельности и нередко за показную их мораль, огарки однако не шли дальше ругани и издевательств. Они докатились до беспробудного пьянства, кончив в большинстве случаев обывательщиной. В 1890—1891 годах эта компания окончательно распалась.

Был еще небольшой филиал огарческой компании, состоявший из двух бывших (дерптских или рижских — точно не помню) студентов, поступивших в 1885 году в седьмой класс реального училища и находившихся в дружественных отношениях с Тиханиным. Это были — Василий Николаевич Мещеряков и Петр Васильевич Никольский — великовозрастные юноши (старше 20 лет), имевшие когда-то отношение к революционным кружкам, но уже фактически отошедшие от всякой революционной работы и лишь случайно сталкивавшиеся с подпольщиками. Они сами едва ли могли объяснить, для чего поступили в училище, ибо меньше всего занимались наукой, а больше всего предавались всяческим развлечениям и прежде всего спиртным напиткам. У них не было даже учебников. Над ними потешались их товарищи, говоря, что у них имеются только две книги: семизначные логарифмы Вега, которые изучал Никольский, и «Подражение христу» Фомы Кемпийского — излюбленная книга Мещерякова. У них еще имелись ковер, гитара и два пустых чемодана. Гитару Мещеряков иногда расшибал в щепки ударом об печку или об пол и затем тщательно подбирал осколки и склеивал их. Это делалось, как он объяснял, для того, чтобы гитара «лучше звучала».

Огарческая компания — это наиболее яркая иллюстрация безвременья конца 80-х годов и полного краха народнической идеологии. Утратившие веру в старые псевдо-революционные откровения народников, деклассированные интеллигенты растаптывали ногами идолов, которым раньше поклонялись, делая это открыто и вызывающе. Дальше итти было некуда...

Одновременно с огарками уместно вспомнить самарскую пивную на главной улице города — Дворянской (сейчас Куйбышевская), которая содержалась неким Беккером, находившимся в дружеских отношениях со многими революционерами. Филипп Андреевич Беккер был хорош со мною, с Пономаревым и особенно с появившимся в Самаре в начале 90-х годов Вадимом Андреевичем Ионовым[6], впоследствии легальным марксистом. У Беккера можно было

хранить нелегальную литературу. Приятель и пайщик Беккера, немец Регент-Боген, обладатель великолепного бархатного баса, услаждал наш слух прекрасными ариями Мефистофеля из «Фауста». Здесь же, в задней комнате, мы иногда собирались для обсуждения конспиративных вопросов кружковой жизни и работы.

Иногда причиняли неприятности Беккеру те же огарки, которые, выпив с ведро пива, повелительно заявляли: «Беккер, запиши на стенку» и уходили из пивной.

Помню мы с В. А. Ионовым сочинили для этой пивной вывеску, на которой крупными буквами ниже слова «Портерная» было изображено: «III отделение» (у Беккера было еще две пивных в городе), а затем — «горячие и холодные кушанья». Намек на царское третье отделение нас очень забавлял.

Впоследствии, когда меня уже в Самаре не было, я слышал, что Беккеру его дружба с революционно настроенной молодежью не помешала значительно расширить свои предприятия: он имел в городе несколько кондитерских, но потом разорился.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Кружок Рябовых и Грачевых. Забастовка на мыловаренном заводе. Кружки фельдшерской школы. Общая характеристика подпольных кружков. Самарские либералы.

Примерно с 1887 года я стал водить знакомство с купеческими семьями Рябовых и Грачевых. Все они были молокане и имели соприкосновение с самарскими революционными кружками. Семья Рябовых состояла из братьев — Семена, Ивана, Василия и Петра Ефимовичей. Первый из них — гласный городской думы, состоятельный купец, имевший свой дом и лесную пристань. Я давал уроки его сыну, откуда и возникло знакомство со всей семьей. Остальные братья не были состоятельными людьми и все трое жили на берегу Волги, за городом, на лесной пристани Семена, которой управлял, как приказчик, Иван. С Василием я в 1890 году ездил в Красноуфимск, где намеревался поступить в земскую школу горного дела и сельского хозяйства, являвшуюся фактически высшим учебным заведением. Василия приняли в школу, а я, как уже изгнанный из двух школ, не был принят. Зимой того же года меня после массовых обысков у студентов выслали из этого города «за вредное влияние» на молодежь. Наконец, Петр, самый младший из Рябовых, был в семье изгоем. Он не получил систематического образования и работал простым рабочим на мыловаренном заводе купцов Грачевых в Молоканском саду.

С Петром я сошелся особенно близко и его распропагандировал. Это был смелый и решительный человек. Мы вместе с ним соорудили (в 1889 или 1890 году) гектограф и печатали на нем нелегальные материалы. Недостаток денег крайне затруднял нашу работу, и

вот Петр однажды предложил мне устроить ограбление богатых самарских купцов Световых, с которыми Рябовы водили знакомство. Петр брался все обделать сам, требовалась лишь санкция со стороны политических единомышленников, т. е. нашего кружка. Я решительно воспротивился этому плану и отговорил от него Петра, мотивируя это, сколько помню, тем, что чистое дело революции нельзя, мол, делать такими нечистыми путями. Петр восхищался анархистом Равашолем, совершившим покушение на французского президента Карно, о чем он вычитал из газет. Очевидно, этот факт натолкнул его на мысль об экспроприации. В шутку мы прозвали Петра Равашолем.

В другой раз мы с ним организовали маленькую забастовку на мыловаренном заводе, где он работал. Причиной была неудовлетворительная пища, которую Грачевы давали рабочим: их кормили бычьими головами не первой свежести. Узнав об этом, я стал говорить с одним из Грачевых — Николаем Павловичем. Однако мои попытки не увенчались успехом, и стол рабочих не улучшился. Выяснив с Петром, что хозяева завода быстро найти других рабочих на случай забастовки не смогут, мы выбрали горячий момент в производстве, когда остановка его могла принести большие убытки, и решили объявить забастовку, если стол немедленно не будет улучшен. Петр подговорил товарищей, и затея наша увенчалась успехом: бычьих голов больше рабочим не давали.

Все эти маленькие дела не удовлетворяли боевую натуру Петра. Он рвался на арену широкой революционной работы и ушел в конце концов из Самары в Донецкие шахты, где, как я потом слышал, работал шахтером. Что с ним стало потом — я не знаю.

Петр Рябов был среднего роста, полный и плотный блондин, говорить был не мастер и говорил мало, дополняя свою речь несуразной жестикуляцией руками, но зато действовал всегда решительно и смело.

Семен Рябов был простой, малокультурный купец, и с ним у нас никакой связи не было. Василий также не представлял собою ничего интересного, Иван Рябов был чрезвычайно симпатичным человеком, достаточно развитым и при том радикально настроенным.

У Ивана мы частенько собирались для чтения и разговоров на политические темы. К нему иногда приезжал откуда-то с хутора его приятель, некий Панков-Скальненков, человек довольно состоятельный, наредкость умный и весьма развитой. Он читал газеты, толстые журналы и был в курсе всех важнейших текущих вопросов политической жизни. С его приездом наши собрания у Рябова становились весьма шумными и оживленными. Скальненков яростно спорил с нами на политические темы и, не соглашаясь с тем, что политика и вообще всякая идеология определяется состоянием производительных сил, выдвигал на первый план свой основной фактор — «культ». Наблюдая постоянно крестьянскую жизнь, он пришел к выводу, что громадную роль играет религия, которая

является главнейшей и решающей причиной темноты крестьянских масс и угнетения их со стороны правящих классов. Обобщая понятие религии и распространяя свою теорию на другие народы, он пришел к своей теории «культа». Он был очень остроумен, находчив в спорах и требовал от противника точности, ясности и последовательности в изложении своей аргументации. Дело нередко доходило до того, что Скальненков требовал записи речей той и другой сторон, чтобы уличить затем своего противника в противоречии или непоследовательности.

Иван Рябов в спорах активное участие принимал редко, он больше слушал и пытался делать из слышанного практические выводы: что именно нужно сделать сейчас, в данный момент, чтобы приблизиться к тем идеалам, которые так красиво разрисовывались в речах спорящих. И он и Скальненков часто оказывали материальную помощь политическим ссыльным, давали деньги на литературу и организацию «техники».

В кружок Рябовых входили также Николай Павлович Грачев, один из совладельцев большого Молоканского сада, расположенного под Самарой, рядом с земской больницей (теперь центральная им. Пирогова), и его жена — фельдшерица этой больницы. Земская больница и находившаяся при ней фельдшерская школа, как увидим ниже, играли значительную роль в жизни самарских политических кружков и вовлекали в них представителей самых разнообразных слоев местного общества.

Грачев непрочь был почитать хорошую книжку, послушать умный разговор на политическую тему и даже оказать содействие тому или иному начинанию революционных кружков.

Для нас Рябовы и Грачевы были ценны тем, что они жили за городом, где легко было осуществлять всяческую конспирацию. Грачев имел на одной из торговых улиц Самары, на Троицкой, лавку для продажи мыла, что также представляло для нас известные выгоды: здесь можно было встретиться с товарищем, оставить нелегальщину, а иногда, в трудную минуту, даже поесть горячих щей, которые приносились из ближайшего трактира.

Едва ли есть необходимость распространяться здесь на тему о том, почему некоторые представители буржуазии, к которым принадлежал Н. П. Грачев, принимали участие в подпольной революционной деятельности. Известно из опыта буржуазных революций, что буржуазия в эпоху своей борьбы против феодализма, против самодержавия, до поры до времени может блокироваться с левыми политическими партиями, не забывая в то же время своих классовых интересов. Как указывалось выше, Н. П. Грачеву его участие в революционном кружке не мешало жестоко эксплоатировать рабочих на своем мыловаренном заводе.

Земская фельдшерская школа дала ряд революционеров, из которых многие еще и сейчас живы, а часть из них состоит в рядах ВКП(б). Вот далеко не полный перечень известных мне учениц

фельдшерской школы, имевших то или иное отношение к самарским революционным кружкам в конце 80-х и начале 90-х годов: Ушенина, судьба которой мне неизвестна, Евдокия Петровна Савицкая (жена В. В. Савицкого — теперь покойная), Анна Морицевна Лукашевич, известная работница нашей партии, Софья Матвеевна Моршанская (по мужу Скляренко — жена Алексея Павловича Скляренко, умерла в Ленинграде в 1915 году), Софья Павловна Локерман (по мужу Кузнецова), здравствующая и теперь, Софья Алексеевна Семенова, Елизавета Ивановна Козманова, Евгения Марковна Карпер (по мужу Белякова, умерла в Ленинграде в 1934 году), фельдшерицы Иванова, Соколова, Е. В. Филадельфова (сестра В. В. Филадельфова). Из других лиц, близко стоявших к кружкам той же школы, мне помнятся лишь двое — Иван Карпович Иванов и А. К. Гецольд.

С кружками фельдшерской школы я имел связи еще в 1886—1887 годах, когда нам с А. Е. Пономаревым неоднократно приходилось участвовать на собраниях учениц этой школы. Нужно сказать, что ученицами школы были в значительной части взрослые женщины, уже прошедшие общеобразовательные науки в средней школе. Поэтому в кружках участвовали большей частью достаточно подготовленные люди. Разумеется, были и с подготовкой за четыре класса средней школы.

Сколько помню, на собраниях фельдшериц читали «Исторические письма» Лаврова и его статьи из «Отечественных записок» или из «Знания». Собрания происходили в квартире Ушениной и были довольно многолюдны: человек 10—12. Руководил этими собраниями А. Е. Пономарев.

Ученицы фельдшерской школы связывали персонально, а иногда и организационно многие самарские кружки, так как в школе были представлены самые разнообразные слои населения. Кружки Грачевых и Рябовых были известны им через жен названных лиц, кружки учащихся (гимназистов и реалистов) также имели в своем составе фельдшериц и, наконец, в среде учениц были уже такие опытные революционерки, как А. М. Лукашевич.

После распада кружка Пономарева (1887 год) я сошелся с некоторыми руководителями гимназических кружков. Старейшим из известных мне руководителей этих кружков был Викентий Викентьевич Савицкий, сын местного врача. Он оканчивал курс гимназии и должен был ехать в университетский город для продолжения образования. Знакомство наше состоялось вечером, при таинственной обстановке, в Александровском саду, где он должен был передать мне перед своим отъездом кружковые связи и литературу. Это был очень умный, развитой юноша, обладавший большими организационными способностями.*

---

* Вскоре Савицкий был исключен одновременно с Владимиром Ильичем из казанского университета за участие в беспорядках.

В 1886 году в кружках гимназистов и фельдшериц, в которых работал В. Савицкий, было несколько обысков, но арестов, сколько я знаю, не было. Дела оканчивались только «взятием на подозрение» кое-кого из молодежи.

Огарки почему-то особенно не любили В. Савицкого, считая его воплощением тех «сусальных добродетелей» самарских политических кружков, которые они высмеивали. В их характеристиках В. В. Савицкий фигурировал как «таинственный Викентий» (с этим эпитетом он упоминается в «Огарках» Скитальца).

Кроме перечисленных выше кружков и групп, в до-ленинский период в Самаре существовали, очевидно, и другие неизвестные мне революционные кружки, хотя число их вряд ли могло быть значительным. Самара не была крупным культурным центром, и отдельные кружки обычно связывались между собою участием в них одних и тех же лиц. Вот почему я думаю, что подавляющее число сколько-нибудь значительных кружков, существовавших в Самаре до начала 90-х годов, в той или иной мере мне было все же известно.

Иное дело — 90-е годы. В это время мы с А. П. Скляренко уже отошли от некоторых кружков учащейся молодежи, так как сами стали старше и наше внимание под влиянием идей, воспринятых от Владимира Ильича, направлялось от элементарного политического самообразования к более серьезному изучению экономики России и западных стран и рабочего движения на основе марксистского учения. Поэтому некоторые кружки этого периода, очевидно, могли быть мне неизвестны. Один из кружков, возникших в это время, — кружок Е. И. Козмановой, деятельность которого выявилась уже после отъезда В. И. Ленина из Самары, я опишу во второй части моих воспоминаний. Были в Самаре, разумеется, отдельные радикально или даже революционно настроенные люди, не входившие в подпольные кружки. Но эти одиночки не представляют большого интереса, и потому я на них не останавливаюсь.

Был еще кружок в Сызрани, находившийся в постоянной связи с нашим кружком и установивший также некоторый контакт с Владимиром Ильичем. Этот кружок я опишу также во второй части. Наконец, и кружок А. П. Скляренко, хотя он возник до появления в нем Владимира Ильича, я отношу к кружкам ленинского периода и даю описание его во второй части. Этот кружок воспринял впоследствии, по приезде в Самару Владимира Ильича, марксистское революционное учение. Кроме того в период своей предшествующей деятельности он отличался от других кружков тем, что не ограничивался разговорами, а ставил себе те или другие практические революционные задачи и пытался их разрешать. Кружок пытался серьезно изучать вопросы истории, экономики и революционного движения, чего нельзя сказать о других кружках того времени.

Для них был весьма характерен призыв В. В. Филадельфова

«бросить читать ученые книжки». Народники, не имея научной базы для своих якобы революционных теорий, вообще не мыслили единства теории и практики и даже противопоставляли друг другу эти формы человеческой деятельности.

Чтобы закончить описание самарских политических кружков до-ленинского периода, необходимо кратко обрисовать основные характерные черты их жизни и деятельности.

Какой-либо определенной организации эти кружки не имели, состав их был весьма текучим, разделения труда в работе строго не проводилось, постоянных членских взносов не было. Были лишь взносы на «Красный крест», но и они делались не всеми, не всегда и не в строго определенных размерах. Регулярной связи с другими городами не было, и потому литература и всякие сведения о политической жизни других городов получались спорадически, по знакомству, благодаря случайным поездкам того или иного подпольного работника.

Только уже после появления Владимира Ильича наш кружок начал налаживать некоторые связи с другими городами. Между прочим, были установлены сношения с городом Владимиром, откуда к нам приезжали Н. Л. Сергиевский и М. Г. Гопфенгауз, которые привезли в Самару рукопись Н. Е. Федосеева о падении крепостного права.

Деятельность кружков в до-ленинский период сводилась к разговорам и спорам за чайным столом, к передаче друг другу нелегальщины, иногда к совместному ее чтению и самое большее — к перепечатке нелегальных произведений на гектографе.

Как я уже говорил, рабочих в Самаре было мало, а те, которые состояли в кружках, не являлись представителями той или иной организованной группы рабочих. Эти отдельные личности принадлежали чаще всего к высококвалифицированным рабочим. Целью их участия в кружках было стремление стать интеллигентами и в том же направлении пропагандировать отдельных своих товарищей по работе. К низам, к рабочей массе, мы спускались лишь случайно, потому что наше политическое миросозерцание определялось главным образом народническими или народовольческими теориями, которые выдвигали на первый план личность, а не массы. Если и говорили о массах, то как о безличном «народе», который по указке кого-то другого будет «делать революцию».

Причины такого положения понятны. Это была эпоха умирания старых политических теорий, заканчивающих свое существование с развитием в России капитализма и окончанием жизни и деятельности последней народнической подпольной организации — «Народной воли». На смену этих старых теорий явилась марксистская теория.

Конец 80-х годов и начало 90-х являются началом эпохи оживления рабочего движения в России. Таким образом начала возникать реальная база для развития и практического применения марксистского революционного учения. До Самары это новое те-

чение политической жизни еще не дошло. Возникнув здесь с приездом Владимира Ильича, оно долго не могло найти здесь удобной почвы для своего развития, и потому в течение ряда лет находило своих сторонников только в разрозненных интеллигентских кружках.

Неудовлетворенность старыми теориями и жажда нового символа веры, который должен был всколыхнуть застоявшееся в условиях ультрареакционного режима Александра III болото русской общественной жизни, уже чувствовались многими революционно настроенными людьми, особенно теми из них, которые так или иначе соприкасались с жизнью рабочего люда. Отсюда — стремление таких людей, как Федор Барабаньщиков или Петр Рябов, бросить мелкую самарскую кружковую деятельность и «уйти на Дон», к рабочим низам; отсюда и буйные нелепые формы протеста против «сусальных добродетелей» интеллигентской кружковщины со стороны А. Е. Пономарева и его друзей из огарков, которые, утратив старую веру, не смогли уже выбраться из засосавшей их трясины обывательской жизни.

Особняком жили в Самаре либеральные кружки, с которыми мы соприкасались лишь спорадически и для строго определенных целей: помощи ссыльным и заключенным, приискания заработка и т. п. Либералы группировались вокруг следующих лиц: судебного следователя Я. Л. Тейтеля, известного врача и сотрудника толстых журналов в 70-х годах В. О. Португалова, присяжного поверенного А. Н. Хардина, у которого Владимир Ильич работал в качестве помощника после 1891 года, адвоката Г. А. Клеменца, о котором упоминалось выше, председателя окружного суда Анненкова и др.

В. О. Португалов после моего выхода из тюрьмы в 1895 году, когда я в ожидании приговора некоторое время оставался в Самаре, нашел мне платные уроки. Некоторые дети Португалова соприкасались с революционными кружками.

ЧАСТЬ II

САМАРСКИЕ ПОДПОЛЬНЫЕ КРУЖКИ ЛЕНИНСКОГО ПЕРИОДА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

А. П. Попов-Скляренко. Его первые кружки. Нелегальная библиотека. Литературные произведения Скляренко.

Из самарской революционной молодежи наиболее крупной фигурой был тогда Алексей Попов, известный потом под фамилией Бальбуциновского, а затем — Скляренко*. В виду того, что Скляренко имел близкое отношение к В. И. Ленину в период его самарской жизни, я остановлюсь на нем несколько подробнее.

Алексея Скляренко я знал с годов его гимназического ученья и был с ним в дружеских отношениях до самой его смерти. Я с ним подолгу живал вместе, а затем, когда судьба бросала его в разные концы России, мы вновь встречались почти после каждого его странствования. Сообщаю здесь некоторые черты его биографии, характеризующие нравственную физиономию этого выдающегося по своим способностям и характеру человека, так много претерпевшего в условиях царского режима.

А. Скляренко — внебрачный сын военного врача Василия Ивановича Попова — родился в г. Верном (Алма-Ата) в 1870 году. Мать Скляренко умерла, когда Алексей был еще ребенком. Отец его, В. И. Попов, переселился после этого в Симбирскую губернию, где получил место земского врача в с. Тагае. По рассказам Алексея, его отец принадлежал к либеральному лагерю, водил знаком-

* См. сборник «Старый товарищ А. П. Скляренко» Значительная часть последующего изложения является воспроизведением моей статьи в этом сборнике — «Памяти друга». Нужно сказать, что эту статью Владимир Ильич читал, и я не слышал от него каких-либо замечаний по поводу мест, относящихся лично к нему. Самое издание сборника было предпринято с одобрения В. И. Ленина. В мае 1921 года, играя с Владимиром Ильичем в шахматы в Горках, я спросил его — помнит ли он Скляренко и не следует ли издать сборник, посвященный его памяти. Владимир Ильич ответил утвердительно и одобрил мысль об издании книги, которая затем стараниями А. И. Елизаровой-Ульяновой была составлена и напечатана.

ство с писателями-народниками, например, встречался с Глебом Успенским. Ушел с военной службы вследствие столкновения с генералом Черняевым. Причиной конфликта был отказ В. И. Попова от какого-то царского ордена. В Тагае Попов имел обширную библиотеку, преимущественно из старых толстых журналов, которая частично сохранилась и перевезена была после его смерти Алексеем Скляренко в Самару. К этой библиотеке были присоединены книги, предоставленные в распоряжение Скляренко его дядей, профессором-юристом.

Еще будучи в самарской гимназии, в конце 80-х годов, Алексей начал заниматься организацией политических кружков среди учащейся молодежи и числился поэтому на самом дурном счету у гимназического начальства. Особенно его преследовал, как он рассказывал, латинист — он же инспектор — Пятницкий, который, благодаря дряхлости и слабости директора гимназии А. И. Соколова* играл в педагогическом совете большую роль. Он добился в конце концов увольнения Алексея Скляренко (тогда еще Попова) из шестого класса гимназии.

Разоблачение во время жандармских допросов внебрачного происхождения Алексея привело, в силу требований закона, к перемене его отчества и фамилии: он стал зваться по крестному отцу — Алексеем Павловичем Бальбуциновским, а затем принял фамилию матери — Скляренко. Эти фамилии представляли для Алексея Павловича, как революционера, даже некоторое удобство. В своей конспиративной деятельности он пользовался разными фамилиями и нередко ему удавалось путать жандармов и полицию, заметая свои следы. Так, в 1907 году, когда он отправился на V Лондонский съезд РСДРП, полиция, пытаясь установить слежку за ним, искала в Саратове и Москве, как он мне после рассказывал, вместо него некоего Скарлова или Скарловского, хотя в это время у него была еще кличка «Роман», под которой он фигурировал в протоколах V съезда.

Я познакомился с Алексеем Павловичем в 1887 году в ресторане Коршунова, где гимназисты устроили вечеринку. Что там говорилось, кто выступал,— у меня все это испарилось из памяти, но фигуру Алеши Попова я помню ясно. Это был молодой человек с фуражкой на затылке, в синих очках, которые как-то криво сидели на его носу — вид настоящего нигилиста старых времен! Он бегал, суетился и отдавал распоряжения, так как был организатором вечеринки. Впечатление о Скляренко от личных наблюдений и разговоров с ним и его приятелями составилось у меня как о смелом, решительном, даже дерзком юноше, который никому не позволит

---

* Об этом рамолическом старике Скляренко рассказывал такой анекдотический случай: в зале гимназии нужно было повесить люстру. Соколов обратился к математику Чигирю за советом — как найти центральную точку потолка. Чигирь ответил, что надо провести диагонали и центр будет найден. Тогда Соколов спросил: «А где купить эти самые диагонали?»

наступить себе на ногу. Впоследствии это первое впечатление в значительной мере подтвердилось. Скляренко кроме того оказался очень умным человеком, склонным к упорной систематической работе, и прекрасным товарищем.

В годы зеленой юности мы презирали всякие условности и приличия «светского общества», игнорировали то, что в этом обществе было принято считать красивым, эстетичным и т. п. Для Скляренко, согласно принципам утилитаризма (по Писареву), приятнее было разбросать поленницу дров, чем, например, слушать музыку. Приходя к нему, мы не шли через двери, а влезали в окно его комнаты. Весь этот налет нигилизма скоро прошел, но прямота и резкость суждений остались, особенно у Скляренко, надолго. Отсюда его нелюбовь к интеллигентскому, так называемому культурному обществу и тяготение к простому, рабочему человеку.

Из членов кружка Скляренко в это время (зима 1886/87 года) мне помнятся: народный учитель Николай Васильевич Бушуев, гимназисты Василий Николаевич Вольтман и Александр Смирнов, а также вошедший в кружок несколько позднее бывший студент-петровец В. М. Андреев (Максимыч) — мой товарищ по губернаторскому общежитию. Алексей Павлович уже в это время проявлял свои богатые организаторские способности. Он широко пользовался, в интересах развития деятельности подпольных кружков, своими старыми связями с гимназическими товарищами. Например, сын богатого купца, гимназист Александр Курлин, использовался Алексеем Павловичем для устройства собраний и вечеринок в его доме, гимназисты, имевшие отношение к аптекам, добывали желатин и глицерин для гектографа и т. п.

Вскоре ватага гимназистов явилась ко мне с предложением переселить Алексея Павловича в мою квартиру для совместного жительства. Квартира в одну комнату с прихожей в мезонине деревянного домика, которую я занимал, оказалась очень удобной. Алексей Павлович, которому в доме мачехи было неудобно принимать товарищей и в должной мере развернуть свою деятельность, очень быстро приспособился к новым условиям. У нас создалась нелегальная библиотека легальных изданий, а затем мы соорудили и гектограф. Первым нашим изданием был каталог книг для систематического чтения. Титульный лист я изукрасил почему-то изображением птички. Этот «каталог с птичкой» некоторое время был в среде самарской молодежи единственным руководством систематического чтения, хотя мы сумели его оттиснуть, кажется, не более, чем в 30 экземплярах. Гектограф мы прятали в стенах нашего мезонина, благо они были удобно для этого устроены: из двух досок, между которыми были насыпаны опилки.

У старухи-хозяйки нашего дома была дочь, Юлия Николаевна (фамилии не помню) — учительница, которая фактически управляла домом и относилась к нам благосклонно. Она видела, что к нам ходит много народу, что иногда у нас чужими людьми устраи-

ваются собрания и чаепития даже в наше отсутствие, что у обоих у нас руки от гектографической анилиновой краски всегда ярко-синие. Тем не менее, она ни разу не указала квартирантам на своеобразие их жизни и неудобства, которые они создавали для нее, как хозяйки. Попыток распропагандировать эту девицу мы не предпринимали, считая, что она, как собственница, не представляет собой подходящего для нашей пропаганды материала. Впоследствии оказалось, что мы ошиблись, так как наша молодая хозяйка вела себя во время обыска и ареста Алексея Павловича, последовавших в том же 1887 году, очень хорошо и всячески нас выгораживала.

Основным фондом нелегальной библиотеки легальных изданий явились книги, привезенные А. П. Скляренко из Тагая. Библиотека пополнялась пожертвованиями самарской интеллигенции и покупкой преимущественно старых книг у букинистов. Приобретались также и новые книги, но в очень небольшом количестве, потому что и выходило их немного, да и средства у нас были весьма скудные: они составлялись из добровольных взносов членов кружка. Тем не менее библиотека располагала ценным собранием старых журналов (некоторые из них за целый ряд лет) и несколькими сотнями томов отдельных изданий.

Из журналов у нас имелись: «Современник», «Отечественные записки», «Слово», «Дело», «Знание», «Устои», «Русское богатство», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Юридический вестник» и т. д.

Из отдельных изданий я помню книги следующих авторов: по истории, истории культуры, социологии и правовым вопросам — С. Соловьев («Русская история»), Костомаров, Мордовцев, Кареев, Лучицкий, Чичерин, Ключевский, Семевский, Сергеевич, Щапов, Беляев, Кулишер, Дитятин, Иванюков («Падение крепостного права в России»), А. Посников («Общинное землевладение» и др.), Шлоссер («История XVIII века» и «История средних веков»), Маколей, Луи-Блан («История десятилетия»), Минье, Верморель, Э. Тэно («2-е декабря 1851 года»), Токвилль («Старый порядок»), Бокль, Карлейль, О. Тьерри, Монтескье («О духе законов»), Летурно («Эволюция собственности»), Тейлор, Лавеле, Гонеггер («История материальной культуры»), Г. Лекки, А. Ланге («История материализма»), Дрэпер, Мэн, Вебер (первые томы, в переводе Чернышевского под псевдонимом Андреева); по вопросам теоретической экономии и экономической истории — Милль (с примечаниями Чернышевского), А. Смит, Д. Рикардо, Н. Зибер, Лассаль, Кэри, Гильденбрант, Горлов, Вреден, Бастиа, Иванюков, А. И. Чупров, Исаев, В. В. (В. П. Воронцов), Карышев.

Были также книги П. Л. Лаврова («Исторические письма», «Опыт истории мысли»), Берви-Флеровского («Азбука социальных наук»), Руссо («Исповедь», «Новая Элоиза» и др.), Александры Ефименко («О крестьянском землевладении на крайнем севере»), Шеффле («Строение и жизнь социального тела»).

По философии, психологии, этике я помню были следующие

авторы: Шопенгауэр («Мир, как воля и представление»), Куно Фишер, Э. Гартман, Вундт, Бэн, Спенсер («Основные начала», «Биология», «Социология», «Этюды»), Гегель («Логика»), Кант («Критика чистого разума», «Пролегомены»), Льюис, Молешотт, Бюхнер («Сила и материя»), Лесевич.

Критика и публицистика были представлены следующими авторами: Белинский, Добролюбов, Чернышевский («Очерки гоголевского периода», диссертация об искусстве), Писарев (первое десятитомное издание), Скабичевский («История литературы»).

Имелось также небольшое количество беллетристических произведений, из которых мне запомнились: Швейцер («Эмма»), Шпильгаген («Один в поле не воин», «Загадочные натуры»), Ауэрбах («Дача на Рейне»), Стендаль («Красное и черное»), Бальзак («Человеческая комедия»), Берне, Гейне, Шекспир, Зола («Углекопы», «Брюхо Парижа», «Карьера Ругонов», «Нана»), Чернышевский («Что делать?», «Пролог к прологу»), Омулевский («Шаг за шагом»), Слепцов («Трудное время»), Наумов («Сельские картины»), Златовратский («Устои» и др.), Глеб Успенский, Альбов, Осипович (Новодворский), А. Левитов.

Главная наша работа над библиотекой состояла в том, что мы вырывали из старых журналов статьи, упоминавшиеся в систематических каталогах, и делали из них сборники, нередко переписывая от руки начало или конец вырванной статьи. Сборники эти нами переплетались и усиленно читались самарской молодежью.

Библиотека эта в начале 90-х годов пополнялась и новыми книгами. У нас появились: I том «Капитала» Маркса, а затем журнальные статьи Николая-она (Н. Ф. Даниельсон — идеолог народничества, первый переводчик «Капитала» Маркса), известная книга В. Постникова и т. п. Позднее в этой библиотеке появился отдел нелегальных изданий, которые хранились отдельно. Легальные издания были перевезены в 1894 году ко мне, но вскоре после этого я был арестован, и вся библиотека попала в самарское жандармское управление. По окончании дела (года через два) я получил ее обратно и отослал лучшие книги А. П. Скляренко в Архангельск, где он находился тогда в ссылке. Там большая часть их перешла в руки А. Г. Буянова и о дальнейшей судьбе их мне ничего неизвестно. Оставшуюся часть библиотеки (около 300 томов) я перевез в Саратов, а затем в Москву. Здесь в 1923 году я передал их, за исключением нескольких книг, в ЦСУ. Оттуда библиотека была передана в Институт Ленина, а потом — в Институт Маркса—Энгельса—Ленина.

Книгами этой библиотеки пользовался Владимир Ильич и на одной из них («Южно-русское крестьянское хозяйство» В. Постникова) сохранились, повидимому, его собственноручные отметки. На большинстве книг этой библиотеки имелись сделанные рукой А. П. Скляренко знаки — Б. С. Г. (библиотека самарских гимназистов).

Внимание кружков тогда было сосредоточено на исторических и экономических вопросах. Изучали крестьянский вопрос, историю

сельской общины, сектантское движение, кустарные промыслы, артели и т. п. На собраниях читались и обсуждались рефераты известных сочинений по этим вопросам. Помню, что мне однажды пришлось реферировать книгу Беляева «Крестьяне на Руси».

Однако эти чисто академические занятия нас не удовлетворяли и мы, по инициативе главным образом Скляренко, пытались откликаться на текущие политические события. Не помню, по какому именно поводу (если не ошибаюсь, по случаю студенческих волнений) были оттиснуты на гектографе прокламации, которые Скляренко и Андреев (Максимыч) расклеили на видных местах и рассовали в почтовые ящики по всему городу. Это было в 1887 году. Действовали они при этом необычайно дерзко: прокламации оказались наклеенными на губернаторском доме, на окружном суде, на дверях полицейских участков, в одном случае даже над головой заснувшего постового. Первая попытка прошла благополучно: жандармерия не нашла виновников, несмотря на крайне плохую конспирацию.

После этого я, желая познакомиться ближе с деревней, уехал в Бузулукский уезд, где поступил учителем в имение помещиков Кошкаровых. Зимой, получив известие об аресте Скляренко, я приехал в Самару и без прописки (благодаря тому, что приехал вместе с управляющим имением) остановился в лучшей гостинице города (номера Аннаева). От товарищей я узнал, что вместе со Скляренко были арестованы Максимыч, Пеньковский и другие. Меня тоже искали, и товарищи посоветовали мне немедленно уехать обратно в деревню, что я и сделал.

Возвратившись весной 1888 года в Самару, я остановился у своего брата и здесь подвергся обыску. Утром, стоя у окна, я увидел, что по улице тянется вереница извозчичьих пролеток с жандармами и полицейскими. Я стал наблюдать. Они остановились у подъезда следующего дома, и я, успокоившись, хотел отойти от окна, но в это время кто-то сзади крепко схватил меня за руки. Оглянувшись, я узнал знакомую физиономию жандармского офицера Александровича.

При обыске жандармы взломали хозяйский шкаф, находившийся в моей комнате, и нашли на одной из его полок кучу черного порошка. Боясь притронуться к порошку, так как по мнению жандармов это был динамит, они хотели послать за военным специалистом, но в это время в комнату вбежала хозяйская дочь и бережно собрала порошок в бумажку. Оказалось, что это было кофе(!).

Обыск закончился безрезультатно, и власти ограничились лишь высылкой меня на родину (в г. Бугульму).

Алексей Павлович и Максимыч держали себя в самарской тюрьме вызывающе и говорили дерзости жандармам. Скляренко однажды во время допроса схватил тяжелую чернильницу и грозил запустить ее в Александровича. Позднее он много рассказывал мне о бутырской тюрьме и о «Крестах». Там он и Максимыч неоднократно по-

падали за неисполнение требований тюремной дисциплины в темный карцер, щипали толстый морской канат и ткали холст. Скляренко приехал в Самару в тюремной холщевой куртке, сшитой из вытканной им материи.

После своего политического крещения — годичной отсидки в «Крестах» — Алексей Павлович серьезно взялся за самообразование и одновременно с этим начал изучать русскую экономическую историю, современную экономику деревни и политические течения того времени. Он перечитал все, что можно было, по истории общины, русского сектантства и остановился на изучении кустарных промыслов. Он не ограничивался ознакомлением со сводными и монографическими сочинениями, но обстоятельно проштудировал семнадцать томов «Трудов комиссии по исследованию кустарной промышленности», по данным которой В. В. (В. П. Воронцов) составил свои «Итоги». Алексей Павлович делал большие выписки из прочитанных сочинений в толстые конторские книги, которые он шутя называл «Мемориями».

Скляренко, как и других членов его кружка, интересовали также вопросы философии и социологии, хотя мы в то время не связывали теоретических вопросов с практической политической деятельностью, что было весьма характерно для народнической идеологии, не представлявшей единой цельной системы мировоззрения. В области социологии Скляренко был сторонником так называемой «субъективной социологии» и яростно спорил с инакомыслящими. Некоторые из членов нашего кружка критически относились к субъективной социологии и заявляли себя последователями синтетической философии Г. Спенсера, за что получали от Скляренко ироническую кличку «спенсеровщиков». В вопросах экономики он был последователем В. В. и называл себя «вевистом».

Любопытно, что весь этот разнобой и шатания были изжиты, лишь только Владимир Ильич ознакомил нас со стройной и последовательной марксистской теорией диалектического материализма. Из этого можно заключить, каковы были сила и влияние аргументации Владимира Ильича уже на первых шагах его пропагандистской деятельности.

Одновременно с теоретическими занятиями Алексей Павлович продолжал заниматься и практической работой в кружках молодежи, сводил знакомство с рабочими, крестьянами и т. п. Он был весьма изобретательным конспиратором, но действовал в затруднительных случаях смело и прямолинейно. После тюрьмы у него осталось близкое знакомство с одним жандармом, Топоровым, который относился к нему с большим уважением (за независимое и гордое поведение в самарской предварилке) и которым он иногда умело пользовался для разведки о предстоящих обысках и арестах.

На конспиративные собрания мы ходили так называемыми «восьмерками». Прежде чем подойти к месту собрания, нужно было сделать крюк, затем пройти мимо пункта, чтобы осведомиться о

его благополучии в смысле отсутствия шпиков, сделать петлю и подойти к тому же пункту с другой стороны. Только после этого можно было войти в дом, а уходить из него следовало другим путем. Таким образом получалась замкнутая восьмерка.

После «Крестов» мы жили вместе с Скляренко на Троицкой улице. Квартира была в чердачном помещении и состояла из одной комнаты и кухни. Комната имела балкон, выходящий во двор, хотя пользоваться балконом было рискованно, ибо вследствие ветхости он грозил обвалиться.

Здесь однажды имел место такой случай. Один из посещавших нас юношей (сколько помню, по фамилии Ястребцов) оказался провокатором. Алексей Павлович предложил проучить его за это и заставить отказаться от своей гнусной «профессии». План был такой: Скляренко пригласит его к себе и под угрозой смерти предложит сознаться в провокаторской работе. Я же должен был в это время в соседней комнате (кухне) шумно точить о шесток печи кинжал. В назначенное время молодой человек явился, и Алексей Павлович приступил, не медля ни минуты, к разоблачениям. Кинжал нам достать не удалось, и потому я производил громкий лязг простым кухонным ножом. Эффект все-таки получился для наших целей достаточный. Провокатор сознался, плакал, клялся в том, что больше знаться с жандармами не будет. Что стало потом с этим человеком, — я не знаю, так как больше его не встречал. Хотя мы не были поклонниками Нечаева, но подобные методы борьбы с провокаторами считали вполне допустимыми*.

В другой раз произошло следующее: мы со Скляренко зашли к Максимычу, только что возвратившемуся в Самару после своего изгнания из Петровской академии. Во время беседы из соседней комнаты (комната Максимыча была проходной) вышел человек с какой-то маленькой книжечкой в руках и вмешался в наш разговор. Книжечка оказалась миниатюрным изданием евангелия. В этом человеке, к нашему изумлению, мы узнали хорошо нам известного уличного филера, прозванного нами за свою «благородную» внешность «великолепным». Он был соседом Максимыча по комнате. Разумеется, Максимыч вскоре после этого вынужден был переселиться в другую квартиру, а «великолепный» в одну из своих ночных служебных экскурсий серьезно пострадал от кулаков Алексея Павловича за попытку свести знакомство с подпольщиками в целях провокации.

В 1891 году А. П. Скляренко был призван к отбыванию воинской повинности. Он быстро собрался, купил высокие сапоги, так как не ожидал удобной обуви в царской армии, и уже стал думать о том, как повести революционную пропаганду в войсках. Однако

---

* А. И. Елизарова-Ульянова по прочтении этого рассказа в статье «Памяти друга», которую она редактировала, воскликнула: «Это какая-то нечаевщина!» Однако она считала, что этот эпизод ярко характеризует боевую и решительную натуру А. П. Скляренко.

он вынул «дальний жребий» и в солдаты не пошел, а был зачислен в запас. Впрочем, сапоги ему пригодились: он должен был ежегодно отбывать так называемый военный сбор. Он много мне рассказывал в последующие годы о той муштре, которой подвергаются запасные в эти военные сборы, о своих столкновениях с унтерами и фельдфебелями, заставлявшими во время маршировок людей, не склонных к раболепству перед начальством, ложиться по команде в грязь, стоять часами под ружьем с тяжелым ранцем за плечами и т. п.

В том же 1891 году Скляренко поступил на должность делопроизводителя к местному либеральному земскому начальнику А. И. Самойлову, поставив себе целью изучение крестьянского быта и исследование на месте классового строения деревни.

Нужно сказать, что в это время Алексей Павлович и группа ближайших его товарищей начинают коренным образом изменять свою партийную окраску, переходя от народничества к марксизму. Ближайшей причиной этой эволюции было появление в Самаре в 1889 году Владимира Ильича Ульянова (Ленина).

В течение четырех лет, до осени 1893 года, А. П. Скляренко усердно изучал под руководством Владимира Ильича марксистскую теорию и вел практическую революционную работу. Этот четырехлетний период будет освещен в дальнейших главах моих воспоминаний. Сейчас же остановимся на последующих этапах жизни А. П. Скляренко, не дожившего всего один год до великой социалистической революции 1917 года.

После тяжелой трехлетней ссылки на север (он жил сначала в Кеми, а затем самовольно перебрался в Архангельск), куда мы изредка посылали ему деньги и книги, и не менее трудного полуголодного житья в Туле Алексей Павлович переселился в Харбин и работал на КВЖД. Поводом к этому переселению была не только голодная жизнь, но в особенности оторванность живого и деятельного по натуре Скляренко от больших центров, к которым он тяготел всей душой. После бесплодных попыток вырваться из Тулы в Москву или Петербург Алексей Павлович писал мне в 1899 году: «Остается отправиться к чорту на рога или к китайцам — я выбрал последнее».

По возвращении из Харбина Алексей Павлович жил некоторое время у родных своей жены в Оренбурге и был в подавленном настроении. В 1904 году я стал звать его в Саратов, где предложил ему место бухгалтера в земском отделе страхования. Нужно сказать, что Скляренко, не любивший ничего делать кое-как, очутившись в Харбине в неожиданной для него роли главного бухгалтера КВЖД, весьма быстро постиг все тонкости бухгалтерского искусства и даже корректировал его своими новшествами.

На мое предложение приехать в Саратов Алексей Павлович прислал мне письмо, в котором говорил:

«Предлагаемое тобой место занять не прочь, но тебе надо иметь в виду, что а) страховое дело мне совершенно незнакомо, б) утвердят

ли меня на этом месте... в Питере, когда я там был этой зимой, соответствующая персона огорчила меня такой репликой: «А мы вас все-таки очень и очень еще помним». За всем тем, как по сему поводу поступить — соображай сам».

В этом письме уже чувствовался некоторый надлом. Но гордый и скрытный Скляренко бодрился, шутил и старался этот надлом не показать.

В Саратове, очутившись на людях и увидев, что он снова может работать над любимым партийным делом, Скляренко скоро оправился и стал почти прежним смелым и неукротимым политическим бойцом.

Здесь он жил с сентября 1904 года до апреля 1907 года (до его выезда за границу на V съезд партии). В 1905 году он принимал деятельное участие в революционном движении. Он не выступал на больших собраниях, митингах и т. п., а вел по своей старой привычке скромную подпольную работу преимущественно в рабочей среде. Удачна также была его агитационная работа среди крестьян, которым он в доступной их пониманию форме умел разъяснять и обосновывать идею бойкота Булыгинской, а потом первой Государственной думы. Как опытный конспиратор и организатор, он начал привлекать в земскую бухгалтерию, где он работал, партийных людей. При нем здесь работали с.-д. Галкин и Я. С. Пятибратов (старый нижегородский рабочий, член ВКП(б), умер в 1938 году).

В 1906 году Саратовским с.-д. комитетом издавалась еженедельная газета «Волна». Комитет был большевистский, редактором газеты был П. А. Лебедев, хозяйственная ее часть лежала на мне и к участию в газете были привлечены все местные видные партийцы. В номере 7-м этой газеты был напечатан фельетон Скляренко «Сон депутата», в котором проводилась идея бойкота первой думы и показывалось ложное положение попавшего в нее крестьянского депутата.

В газете «Рабочий», сменившей закрытую губернатором на 8-м номере «Волну», А. П. Скляренко также поместил несколько своих статей.

После ареста в Москве (осенью 1907 года, по возвращении со съезда) Алексей Павлович сидел сначала в полицейском участке, где был жестоко избит, затем в таганской тюрьме. Вторично он был сильно избит конвойными на одном из этапов при следовании в Усть-Сысольск, назначенный ему местом трехлетней ссылки. В результате избиений у А. П. Скляренко были выбиты зубы, переломлено несколько ребер и повреждена одна рука, которая стала отчасти как бы парализованной. Избиение в полицейском участке он описал в своем очерке «За решеткой».

По окончании ссылки ему удалось, благодаря прежним харбинским связям, поселиться в Петербурге, где он долгое время бедствовал. У меня сохранилось его письмо, относящееся к первым месяцам его петербургской жизни. Вот некоторые отрывки из этого письма:

«По приезде в Питер я довольно скоро устроился с заработком,

но — увы! — не надолго. Работа была временная и продолжалась лишь два с половиной месяца, причем окончание ее совпало с новой бедой: я погорел в буквальном смысле слова. В «меблировке», на 6-м этаже, где я жил, ночью случился пожар. Я, заместо того, чтобы спасать только что приобретенное мною разное «имущество», увлекся учинением «подвига самоотвержения» (как называли мое действо газеты): выводил других жильцов и в заключение «спас из огня» какую-то фефелу. Физически я поплатился немного: ожог руки и горла (т. ч. около недели не мог даже пить чаю) и попортил глаза. Но это все бы ничего, если бы не погорело в огне все мое богатство и я остался «яко наг»: в одном нижнем белье. Впредь решил: в свободное от занятий время отнюдь не учинять подвигов самоотвержения, не приняв мер к спасению собственных монаток. Бегаю теперь, как подмазанный скипидаром, отыскивая работы, но пока неуспешно. Пробовал было и «физическим» трудом кормиться: втерся через хозяина квартиры на казенный орудийный завод в качестве чернорабочего, но паралличная левая рука дала возможность проработать только три дня. Так что пока зело кисло приходится, — со вчерашнего дня даже понизился из «комнатного» жильца в «углового» (жене о сем не говори). Подал прошение в чумную комиссию с предложением своих услуг в качестве санитара: авось прославлю себя хоть на ловле крыс и, может быть, карьеру себе создам...»

В 1912 году Скляренко приехал ко мне в Москву. Он постарел, но, к общему нашему удовольствию, от манчжурского «утолщения фигуры» (он сильно пополнел во время своей харбинской жизни) не осталось и следа и вообще вся его внешность стала напоминать нам старого Алешу Попова: худощавый, высокий, с седеющей шевелюрой, он имел весьма бодрый, молодцеватый вид. Со старыми друзьями он был необычайно ласков: угловатость и резкость в нем совершенно исчезли. Он устроился на службу в конторе Кулундинской железной дороги и стал понемногу вновь принимать участие в партийной жизни и работе. Он с увлечением рассказывал мне, как с Полетаевым (думским с.-д. депутатом) и другими он спасал тюки «Правды» в Питере от конфискации полицией, тайно вынося их из типографии. В это время Алексей Павлович писал также в партийных и других органах.

В последующие годы мы виделись с ним во время моих довольно частых поездок в Петербург. Каждый раз он неизменно являлся ко мне в гостиницу, или же я приходил к нему на квартиру, и мы подолгу беседовали о текущих партийных делах, политических событиях или вспоминали старину. Он внимательно следил за военными событиями и еще в 1915 году предсказывал крушение самодержавия и неизбежность новой революции.

В последний раз я увидел его в середине июля 1916 года. В квартире он был один. Жена его умерла в предшествующем году от рака, а дочь Мусю он, предчувствуя свой скорый конец, отослал

к тетке, так как хотел избавить ее от тяжелых переживаний. При расставании с своей единственной дочерью, которую он очень любил, по рассказам окружающих его лиц, он горько плакал.

В зальце, в которое я вошел, были разложены на столе карты военных действий. Алексей Павлович до последних дней следил за течением военных событий. В соседней комнате он лежал сам. Впечатление было потрясающее: от Алексея Павловича остался скелет. Только прекрасный, белый, как мрамор, лоб напоминал прежнего Скляренко, скрашивая исхудавшее, потемневшее лицо. Я поправил спустившиеся над его лбом волосы. Алексей Павлович едва слышным голосом стал просить меня не прикасаться к нему, чтобы не заразиться (болел он раком пищевода). Он нашел в себе силы подняться и сесть на постели, но говорить было нечего: он хорошо знал о своем конце, видел это и я. Мужество не оставило его в это наше последнее свидание: ни одного звука страдания или жалобы я от него не слышал, хотя страдал он невыносимо. На следующий день он умер.

В лице Алексея Павловича партия лишилась накануне великой пролетарской революции одного из самых преданных своих членов.

Из литературных произведений А. П. Скляренко мне известны статьи: «О влиянии неурожая на распределение рогатого скота в крестьянском хозяйстве Самарского уезда» («Самарский вестник», 1893 г.), «Распределение посевных площадей в 20 общинах Самарского уезда в 1893 году» («Самарский вестник», 1897 г.).

Эти две газетные статьи любопытны в том отношении, что они представляют собою первый опыт А. П. Скляренко применить на деле усвоенный им от В. И. Ленина марксистский метод изучения экономики крестьянского хозяйства. Скляренко доказывает в них путем соответствующих группировок крестьянских хозяйств, что крестьянская земельная община не только не препятствует, а даже способствует развитию капитализма в крестьянском хозяйстве, приковывая одновременно к земле беднейшие хозяйства. В то же время община не мешает кулацким хозяйствам путем эксплуатации арендованной и купчей земли получать крупные излишки товарного хлеба и т. д.

Вторая из этих статей написана Скляренко в ссылке, в Архангельске. Здесь же в 1897 году написаны им статьи: «С дальнего севера. «Truck system» на лесопильных заводах Онежской губы и Мурмана» («Самарский вестник»), рецензия «Интеллигент и буржуй» на брошюру М. Мандельштама «Интеллигенция, как категория капиталистического строя» («Самарский вестник»), а также «О мурманских рыбных промыслах» («Северный вестник»).

Позднее он печатал статьи в газетах «Волна» и «Рабочий» (Саратов, 1906 г.) и беллетристические произведения: «За решеткой», «Приемный покой» («Вестник Европы», 1911 г.), «Год Нюсиной жизни» («Просвещение», 1914 г.) и, наконец, статьи в «Звезде» под псевдонимом «Босой».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Первый кружок самарских марксистов. Роль и влияние Владимира Ильича в кружке. М. И. Лебедева. Сызранский кружок В. А. Ионова—А. И. Ерамасова.

Как я указывал выше, кружок лиц, группировавшихся вокруг Скляренко в первый период его деятельности (до его первого ареста), проявил значительную активность. Кружок печатал и распространял нелегальные издания, вел пропаганду среди учащейся молодежи и даже пытался организовать активные политические выступления (печатание и расклейка прокламаций). Второй период деятельности Скляренко, его близких друзей и знакомых характеризуется главным образом пристальным, деловым изучением экономических и политических теорий, экономики России и разработкой программы политической деятельности. В то же время Скляренко продолжает руководить другими самарскими подпольными кружками. Это руководство заключалось преимущественно в установлении основного направления работы кружков.

До появления в кружке Владимира Ильича А. П. Скляренко, как говорилось выше, изучал историю крестьянской общины, кустарные промыслы, вопрос об артелях, о сектантстве и т. п. путем привлечения по возможности первичных материалов, каковы, например, земские статистические издания, издания министерств, различных комиссий и пр. Такое же направление получали занятия членов его кружка, а через них серьезным изучением экономических и политических вопросов (в частности экономики деревни) начали интересоваться и другие кружки. Однако изучение этих вопросов шло под знаком народнических тенденций. Позже, под влиянием Владимира Ильича, это изучение принимает другое направление: изучается под углом зрения марксистской теории современное положение деревни, а также рабочее движение в России и на Западе, делаются попытки освещения экономической и политической истории с точки зрения этой теории. Вслед за нашим кружком этими же вопросами в новой постановке начинают интересоваться и другие самарские кружки.

Наш кружок был весьма немноголюден: в него входили кроме Владимира Ильича, А. П. Скляренко и пишущего эти строки также ученица фельдшерской школы Мария Ивановна Лебедева и Иван Александрович Кузнецов[7] —помощник железнодорожного машиниста. Кроме этого постоянного круга лиц собрания кружка нередко посещал учитель села Царевщины Алексей Александрович Беляков. Однако Беляков не был нашим единомышленником — он крепко держался народнических взглядов. Он посещал кружок главным образом для дискуссий и получения здесь легальной и нелегальной литературы или для информации по политическим вопросам.

Необходимо также упомянуть ученицу фельдшерской школы Анну Морицевну Лукашевич, которая хотя и не входила в кружок, но

В. И. Ленин (1890—1891 г.)

была в близких отношениях с некоторыми его членами. Она бывала в семье Ульяновых и часто посещала нас (она училась в одном классе с моей женой). Лукашевич была старше своих подруг по школе и имела уже некоторый политический опыт, так как участвовала в подпольных кружках в Вильно до своего появления в Самаре. Она находилась в дружеских отношениях с М. И. Лебедевой, поддерживала знакомство с Владимиром Ильичем, с Анной Ильиничной и М. Т. Елизаровым. Как и многие другие, во время своего пребывания в Самаре она отошла от народничества и усвоила марксистское мировоззрение. Весьма скромная и даже застенчивая девушка, А. М. Лукашевич в общественных делах всегда проявляла большую энергию и настойчивость.

При аресте членов кружка в 1894 году А. М. Лукашевич уже в Самаре не было. Окончив курс школы, она работала в селе Широком Карамыше, Камышинского уезда, фельдшерицей. В конце 90-х годов она оставила фельдшерскую специальность, ибо жизнь в деревне лишала ее возможности участвовать активно в партийной работе, и перебралась в Саратов, где работала на железной дороге. Здесь Анна Морицевна вновь оказалась в кругу своих старых товарищей. В Саратове в это время жили: В. М. Андреев (Максимыч), В. А. Ионов, я с женой и ряд других товарищей. На железной дороге вместе с Лукашевич работал также старый социал-демократ П. В. Точисский (погиб на Урале в 1918 году), пытавшийся организовать партийную работу в Саратове в стиле его прежней петербургской деятельности (организация рабочих касс). На этой почве приходилось вести с ним длительные дискуссии.

При советской власти в девятьсот двадцатых годах А. М. Лукашевич была на партийной работе в Смоленске. Она наезжала в Москву на партийные съезды, конференции и поддерживала связь с А. И. Елизаровой-Ульяновой.

Точной даты знакомства А. П. Скляренко и своего с В. И. Ульяновым я установить не могу, но по некоторым побочным соображениям полагаю, что оно состоялось во второй половине 1889 года. Отчетливо помню, что весной 1890 года, возвращаясь из Новой Александрии (через Москву и Нижний, по Волге) в Самару, я познакомился на пароходе с московским студентом, неким Данилевским, учившимся ранее в симбирской гимназии и поразившим меня своей внешностью: у него были длинные черные прямые волосы, буквально падавшие на плечи, как у молодого дьячка, а на голове торчала простая узкая, черная фуражка с лакированным козырьком. Помню, что я обстоятельно расспрашивал его, знает ли он учившегося также в симбирской гимназии В. И. Ульянова и какого он мнения о нем. Отсюда следует, что я уже был знаком в это время с Владимиром Ильичем. Так как зиму 1889/90 года я в Самаре не жил, уехав оттуда осенью 1889 года, то, очевидно, появление В. И. Ульянова в кружке нужно отнести ко второй половине 1889 года, но до моего отъезда. С этого времени я встречался

с Владимиром Ильичем до осени 1893 года, в те промежутки времени, когда мне приходилось жить в Самаре.

Как сейчас вижу невысокую, крепкую фигуру Владимира Ильича в косоворотке и коротком сером пиджаке. Он спокойно усаживается за стол, вынимает из кармана небольшую тетрадку — свою рукопись и начинает читать вслух...

Облик Владимира Ильича запомнился мне, очевидно, не из первых встреч с ним, а из более поздних, — именно в 1892—1893 годах. Его лоб начинал лысеть, и в моем представлении он уже тогда походил на того Ильича, который в апреле 1917 года вернулся из эмиграции*. Возможно также, что это впечатление у меня осталось потому, что Владимир Ильич уже тогда казался вполне сложившимся в своих взглядах человеком, державшимся на кружковых собраниях, где я чаще всего его встречал, уверенно и вполне независимо.

Владимиру Ильичу была чужда еще в молодости всякая богема, интеллигентская распущенность, и в его присутствии мы все, входившие в кружок, как бы подтягивались,— таково было влияние его уже тогда. Фривольный разговор, грубая шутка в его присутствии были невозможны. Авторитет его в кружке был непререкаем.

Помню однажды во время спора я сказал Владимиру Ильичу, что мы плохо разбираемся в марксистской теории потому, что слабо знаем историю и буржуазную экономическую науку. Он кратко, но строго ответил: «Если что плохо, то значит вообще плохо, — надо учиться...» И мы учились по его указаниям, хотя я, например, был старше его на 3 года и считался уже видавшим виды «старым студентом», побывавшим в двух высших учебных заведениях.

Собрания кружка происходили обычно в квартире Скляренко. Квартира эта находилась во дворе, в мезонине деревянного дома на углу Сокольничьей (сейчас Ворошиловская) и Полевой улиц и состояла из двух комнат и прихожей, с кухней и деревянной лесенкой, выходившей во двор**. Скляренко всячески заботился о том, чтобы устроить свое жилище подальше от улицы и предохранить его от наблюдения шпиков. Окна в обеих комнатах и даже в кухне с этой целью вечером занавешивались плотной темносиней материей.

Вместе с А. П. Скляренко жила упомянутая выше Мария Ивановна Лебедева, приехавшая из далекой Сибири в Самару учиться. Лебедева была ближайшим другом А. П. Скляренко. Это была тихая спокойная девушка, распропагандированная им ранее в одном из кружков фельдшерской школы. Мария Ивановна, которую Скляренко звал Маней, вела несложное хозяйство квартиры и была непременным членом нашего кружка.

---

* А. П. Скляренко, возвратившись с Лондонского съезда 1907 года, говорил тогда мне: «Ильич тот же самый, что у нас был в Самаре, — ничуть не изменился, только лысина стала больше».

** В 1923 и 1932 годах, когда мне приходилось бывать в Самаре, я тщетно искал этот дом. Возможно, что он теперь сломан или перестроен. Известно, что позднее в нем жил некий И. Янычев, служащий крестьянского банка.

Лебедева весьма серьезно занималась и присутствовала на всех наших собраниях, но по своей скромности и застенчивости участия в прениях не принимала. Она состояла также в школьном кружке, где пользовалась некоторым влиянием. В нашем кружке она главным образом заведывала выдачей книг из библиотеки и переписывала рукописи Скляренко, почерк которого был очень неразборчив.

Мария Ивановна была тяжело больна, но никому не жаловалась, и нам, как и Скляренко, это стало известно только в конце 1893 года, когда болезнь ее так обострилась, что врачи потребовали немедленно отправить ее на юг.

М. И. Лебедева умерла уже после ареста А. П. Скляренко, в 1894 году, в Крыму от чахотки. Там же в связи с этим событием были утеряны многие рукописи Скляренко, а может быть даже и рукописи Владимира Ильича, работы которого прежде всего попадали к Скляренко, где часто задерживались и могли быть увезены Марией Ивановной в Крым.*

Владимир Ильич был весьма дружен с М. И. Лебедевой и иногда подолгу беседовал с ней. Он старался сблизиться с теми из окружавших его людей, которых он считал своими единомышленниками или находил возможным распропагандировать их в желательном для него направлении.

В обращении его с людьми отчетливо обнаруживались резкие различия: с товарищами, которых он считал своими единомышленниками, он спорил мягко, подшучивал весьма добродушно и старался всякими способами выяснить их ошибку и сделать ее для них очевидной. Но раз он усматривал в оппоненте представителя другого течения, например, заскорузлого и упорного народника, его полемический огонь становился беспощаден. Он бил противника по самым больным местам и мало стеснялся в выражениях. Будущий политический боец уже тогда вырисовывался в нем с полной ясностью.

Говорил Владимир Ильич просто, необычайно убедительно, но при этом филигранно отделывал каждую фразу. Его уменье нанизать бесчисленное множество придаточных предложений в одной фразе и затем, не теряя нити основной мысли, в конце периода ловко закончить главное предложение и придать сказанному блестящую закругленность и ясность, чем он отличался до самых последних годов своей жизни, — еще тогда обнаруживало в нем великолепного оратора.

Уже тогда Владимир Ильич с успехом пользовался в спорах положениями и методами диалектического материализма. Так, я помню, что в одном споре с В. В. Водовозовым он возражал против формально-логических дефиниций (определений) и требовал в соответствии с диалектической логикой или полного определения

* В одном из писем к своей сестре А. П. Скляренко в 1897 году писал, что в Крыму были утрачены собранные им юридические материалы о крестьянском хозяйстве Самарского уезда.

предмета, или отказа от формально-логического определения*.

Это подтверждает и другой, оставшийся в моей памяти случай. Не помню когда, но нужно думать, в самом начале появления Владимира Ильича в нашем кружке была предпринята попытка организовать кружок самообразования по так называемой казанской программе**. Мне запомнилась одна из прогулок этого кружка, весной 1890 года, на лодке по реке Самарке, организованная А. П. Скляренко. На лодке, после доклада В. А. Бухгольца[8] об основах этического учения о благах, между докладчиком и Владимиром Ильичем произошел продолжительный спор. Подробности этого спора в моей памяти не сохранились, но помню, что ясная диалектика Владимира Ильича в его возражениях против теории абсолютного блага произвела на всех участвовавших в дискуссии большое впечатление новизной приемов, аргументации и ее содержанием.

От этой прогулки в моей памяти сохранились следующие впечатления. В лодке находился наш кружок в полном составе и В. А. Бухгольц, которого Скляренко называл «Генрихом» за его немецкую физиономию. Ни самовара, ни съестных припасов мы с собой не брали, так как целью прогулки был доклад и беседа после него. Пока ехали по Волге и по коренной Самарке, где течение весьма сильное, мы менялись поочередно в веслах. Греб и Владимир Ильич. Самарка здесь в половодье широко разливается и приобретает вид настоящего моря. По этой широкой водной глади узкой полоской бежит залитая с обеих сторон насыпь железной дороги и пропадает на горизонте водного простора. Местами здесь нет никакого течения, вода неглубока и на дне видна трава. Кое-где из воды торчат залитые кустарники и крупные осокори. Пользуясь этим покоем и тишиной, мы останавливали лодку и могли слушать доклад и развернувшуюся затем дискуссию.

Нередко нами устраивались так называемые «кругосветные» путешествия на лодке (вниз по Волге до села Переволок, где лодка переправлялась на реку Усу, затем по Усе до ее впадения в Волгу и далее опять по Волге до Самары), в которых принимал участие и Владимир Ильич. Из этих путешествий у меня остались в памяти только наши высадки на берегу Волги у Царева кургана — скалистой возвышенности, с которой открывается великолепный вид на Волгу и ее берега. Взбираясь на вершину этого кургана, мы любовались красотами Жигулей, купались, пили чай, а любители кроме того собирали здесь окаменелости юрской формации. Здесь же иногда местные крестьяне рассказывали нам легенды о Степане Разине,

---

* Напомним, что Владимир Ильич через три десятка лет по этому вопросу писал: «...диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении»... изменении...» И далее: «...вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета...» (Соч., т. XXVI, стр. 134—135).

** Казанская программа систематического чтения отличалась от других аналогичных программ большей полнотой и логической стройностью: от дисциплин нормативных через историю культуры, историю и экономику она вела к социалистической теории[9].

В этом доме в Самаре жила семья Ульяновых в 1890—1893 гг.

о подвигах волжской вольницы в старые времена, или о народнической пропаганде в этих местах в 70-х и 80-х годах.

Необходимо также остановиться на упомянутом выше сызранском кружке.

Мой товарищ по школе и член одного из первых кружков Скляренко, В. М. Андреев (Максимыч) после освобождения из «Крестов» был выслан в Сызрань, и мы с Скляренко нередко его навещали в его новом месте жительства. В Сызрани находилось тогда несколько революционно настроенных людей, с которыми Андреев близко сошелся. Они группировались вокруг Вадима Андреевича Ионова, жившего здесь с матерью и братом — инженером Сергеем. Кроме того в Сызрани жил молодой купеческий сын, Алексей Иванович Ерамасов, [10] учившийся раньше (и кажется даже окончивший курс) в Петровской академии и занимавшийся тогда хозяйственными делами по саду и огороду, насаждая культуру путем распространения «парничков», как иронически характеризовал его деятельность Максимыч. В. А. Ионов в период своей жизни в Сызрани идеологически тяготел к народовольчеству, но занимался главным образом статистическим изучением экономики крестьянского хозяйства и какой-либо активности как народоволец не проявлял. Он часто наезжал в Самару, где имел значительный круг знакомых. Он познакомился через М. Т. Елизарова также и с Владимиром Ильичем.

Как и мы с А. П. Скляренко, Ионов скоро эволюционировал в своих воззрениях к марксизму. Позднее (в 1896 году) мы с ним вторично встретились в Саратове уже как единомышленники — марксисты. Оба мы участвовали в 1897 году в первом легальном марксистском журнале «Новое слово», а в Саратове вели нескончаемые дебаты с народниками на легальных и нелегальных собраниях местной интеллигенции.

В Самаре Ионов имел тесную связь с кружком Е. И. Козмановой, с нашим же кружком сколь-нибудь прочных деловых отношений им установлено не было, так как мы относились к нему весьма сдержанно, считая его более близким к либералам, чем к революционерам.

А. И. Ерамасов был весьма скромным, тихим и симпатичным человеком. В кружке его называли «Поросенком». (Позднее он был известен в социал-демократических кругах под кличкой «Монах».) В то время он не имел определенной политической физиономии и занимался действительно только парничками, не обнаруживая особого интереса к вопросам политики. Но когда он познакомился с Владимиром Ильичем (через М. Т. Елизарова), то под его влиянием стал тяготеть к марксизму.

Будучи состоятельным человеком, Алексей Иванович Ерамасов в течение длительного периода оказывал партии большевиков материальную помощь. В годы издания газет «Искра» и «Вперед» Ерамасов находился в переписке с Владимиром Ильичем и давал сред-

ства на поддержку этих изданий. Делал он все это без всякого шума и огласки, и очень немногие знали об этой его роли в жизни партии. В 1905 году он подвергся в своем доме, в Сызрани, нападению бандитской шайки, был серьезно ранен, а его сестра после этого события стала калекой. Это происшествие оставило глубокий след на его физическом состоянии.

Ерамасов рассказывал мне об этом случае в 1912 году в Москве, куда он нередко наезжал. Он жил месяцами в Москве и работал здесь в частной библиотеке С. А. Ионова, своего старого знакомого и земляка (брата В. А. Ионова).

Собрания сызранского кружка обычно происходили в доме Ерамасова или «в грюнях», как выражался Алексей Иванович, т. е. в зелени (ins Grüne), на островах или на берегу Волги, и мне приходилось иногда на них бывать. Здесь не было чтения или докладов — дело ограничивалось беседами на злободневные политические темы, которые нередко разгорались в споры по программным вопросам. В 1890—1891 годах в кружке уже велись дискуссии между марксистами и народниками.

А. И. Ерамасов рассказал мне при встрече в Москве, что, бывая у Ульяновых в Самаре, он однажды (в 1892 году) взял у Владимира Ильича сделанный последним перевод «Манифеста коммунистической партии» и дал его для прочтения одному из своих знакомых в Сызрани. Этот знакомый был затем вызван по какому-то делу в полицию, и его мать, убоявшись наличия в своей квартире тетрадки с нелегальным «Манифестом», сожгла ее в печке. Ерамасов очень жалел, что благодаря его неосторожности погиб прекрасный перевод впервые появившегося тогда в Самаре знаменитого творения Маркса—Энгельса. «Мне очень стыдно было сознаться в этом перед Лениным», говорил он. Лично я об этом переводе в Самаре слышал, но самого перевода не видел и знакомился с «Манифестом» по его немецкому оригиналу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Пропаганда Владимира Ильича. Работы Н. Е. Федосеева. Дискуссии в кружке и на собраниях.

Одной из работ нашего кружка было составление каталога книг для систематического чтения[11]. Отдельные части этого каталога были переписаны М. И. Лебедевой, но эта работа не была закончена и каталог из узкого круга его составителей и близких к ним лиц не вышел.

Владимир Ильич в то время усиленно готовился к экзамену за юридический факультет. (Экзамен он блестяще сдал в 1891 году в Петербурге.) Он занимался также изучением языков и к экзаменам уже читал по-английски. Я помню, что Владимир Ильич излагал нам прочитанную им английскую книгу «Экономическая история

Англии» Achley (Эшли). Он читал и говорил по-французски. Однажды, помню, он цитировал наизусть какую-то статью из «Revue des deux Mondes». Он знал также и немецкий язык.

Владимир Ильич много занимался русской историей, особенно интересуясь историей земельной общины. Я помню, что в разговорах по этим вопросам он нередко ссылался на работы Б. Н. Чичерина, мнение которого ценил весьма высоко. Владимир Ильич доказывал, что в русской истории была эпоха феодализма, как и в западной, и при этом ссылался на кого-то из молодых историков школы В. О. Ключевского (чуть ли не на Павлова-Сильванского, точно не помню.* По этому вопросу Владимир Ильич написал небольшую статью, которая ходила у нас по рукам.

Нелишне отметить, что тогда еще не было печатной «Русской истории» В. О. Ключевского, но литографированное студенческое издание этого курса, читанного им в московском университете, было привезено мною из Москвы (одна или две части) и читалось в самарских кружках. Печатные работы Ключевского, как «Боярская дума», книги других русских историков, как, например, Сергеевича («Вече и князь» и пр.) и Дитятина, имелись в нашей библиотеке и также читались в кружке. Были там и такие работы по истории общины, как известная книга Александры Ефименко. На знакомство с этой исторической литературой наталкивал нас главным образом Владимир Ильич. Благодаря ему же у нас читались также исторические статьи Каутского, печатавшиеся в «Северном вестнике». Не помню точно, когда у нас появилось нелегальное издание (литографированное или гектографированное) «Эрфуртской программы», но что оно было до нашего ареста, — это несомненно.

В 1892 году Скляренко получил две рукописи Н. Е. Федосеева,[12] привезенные Н. Л. Сергиевским[13] и Марией Германовной Гопфенгауз,[14] которых я встречал раза два-три у Скляренко. Эти две работы Федосеева: «О купчих крестьянских землях до 1861 года» и обработка содержания «Пошехонской старины» Салтыкова-Щедрина с точки зрения марксистского понимания экономических причин падения крепостного права, — читались Скляренко и мною, а затем были переданы Владимиру Ильичу. Сколько я помню, Владимир Ильич неодобрительно отзывался о первой из них, усмотрев в изложении автора апологию кулацкого хозяйства.[15]

Позже (вероятно, уже в 1893 году) я видел у Скляренко также и третью рукопись Федосеева по истории крепостного права и даже читал отдельные ее главы, но содержания ее теперь не помню. Знаю только, что эту работу считали значительной и что ею главным образом занимался Владимир Ильич. Содержание этого произведения Федосеева в нашем кружке не обсуждалось по соображениям конспирации: автор сидел в это время во владимирской тюрьме, и мы

* Этим вопросом Ленин занимался и в последующее время. А. М. Воден сообщает в своих воспоминаниях («Летописи марксизма», 1927 г., кн. 3) о споре Ленина с Плехановым в 1895 году по вопросу о феодализме в России.

не хотели предавать широкой огласке существование его работы, чтобы не повредить ему и не порвать установившейся с ним связи.

Недавно обнаружилось, что у моего брата Т. И. Семенова сохранились мои письма 1896 года. В письме от 24 декабря указанного года, критикуя некоторые статьи А. А. Санина в «Самарском вестнике», я ставил ему в пример работы Федосеева и писал о них следующее:

«Он разбирает в ней (т. е. в своей работе о падении крепостного права) мнения различных членов редакционных комиссий и показывает, что каждая группа этих членов отстаивала такие реформы, какие диктовались ей хозяйственными условиями той местности, которую представляла группа. Одни, например, стояли за то, чтоб всех пейзанов перевести на оброк, а не освобождать совсем (т. е. изгнать только барщинный труд); чтобы объяснить такое явление, Ф. цифровыми данными доказывает, что в той территории, откуда появились апологеты оброка, еще недостаточно развились противоречия между старой формой хозяйничанья и новой...»

Отсюда следует заключить, что работа Федосеева строилась на основе кропотливо собранного богатого фактического материала, с применением марксистского метода при его использовании и обработке.

О переписке Владимира Ильича с Федосеевым в то время я ничего не знал. Также, очевидно, строго конспирировались и попытки устройства свидания между ними*, по крайней мере мне об этом не было известно. Но я знал, что Скляренко организует связи с другими городами, результатом чего и было появление у нас работ Федосеева. Между прочим, я хорошо помню фамилию Кривошея, который организовывал пропагандистские выступления Федосеева в Орехово-Зуеве.

Владимир Ильич принес нам новое откровение — марксистское истолкование вопросов экономики, истории и политики. Особенно убийственной и неожиданной для его противников в дискуссиях была классовая теория, при помощи которой быстро и просто раскрывался истинный смысл таких понятий, как «народ», «благо народа», «все для народа и все через народ». Владимир Ильич доказывал, что понятие «народ» в трактовке народников есть фикция, ибо они в этом понятии объединяют различные классовые группировки — крестьянина-кулака, крестьянина-батрака и рабочего. Также вызывали протесты и недоумения народников рассуждения Владимира Ильича о том, что такие революции, как революция 1789 года или 1848 года во Франции, были революциями буржуазными, тогда как народники рассматривали их как социалистические.

Владимир Ильич вел свои споры с противниками таким образом,

* Свидание это предполагалось, очевидно, осенью 1893 года, когда Владимир Ильич, окончательно покинув Самару, ехал в Петербург через Москву с заездом во Владимир.

что некоторое время участники дискуссии совершенно его не понимали. Это происходило потому, что в один и тот же термин спорящие вкладывали совершенно различное содержание. Точнее — противники В. И. Ленина, народники, не вкладывали определенного, однозначного содержания в употребляемые ими термины. Например, под словами — рабочий, крестьянин они не мыслили классового содержания этих понятий. Крестьянство они рассматривали как однородную массу, не разделенную классовыми перегородками, и т. п.

Владимир Ильич совсем не применял догматического метода изложения, и разногласия выяснялись в процессе дискуссии. Поэтому нередко случалось, что противник, пораженный новизной всего строя мысли Владимира Ильича, просто умолкал и шел домой, чтобы почитать указанное ему сочинение и подумать наедине о том, что он узнал нового во время жаркого спора.

Что течение мысли у Владимира Ильича иногда шло такими путями, которые трудно было уловить людям, мало искушенным в тонких логических построениях, показывает следующий факт. Как-то, идя с Владимиром Ильичем по улице, я заспорил с ним по поводу одной из только что прочитанных мною его рукописей. В споре выяснилось, что я неправильно понимал одну длинную фразу в его статье и относил имевшееся в ней придаточное предложение не к тому слову, к которому относил его автор. Сколько он мне ни истолковывал своей мысли, я ее так и не понял. Только уже потом, в комнате, имея рукопись перед глазами, я правильно понял спорную фразу. Содержания статьи, о которой идет речь, я не помню, но курьезная история с «придаточным предложением», которую иногда шутя напоминал мне Владимир Ильич, засела в моей памяти очень прочно.

В дискуссиях с Владимиром Ильичем мы в первый раз с полной отчетливостью стали уяснять себе понятия «буржуазия», «пролетариат» и роль этих социальных категорий в развитии капиталистического строя, а также направление эволюции этого строя. Владимир Ильич доказывал необходимость организации рабочего класса для сознательной классовой борьбы не только за улучшение экономических условий, но и за завоевание политической власти пролетариатом.

Позднее, когда Владимир Ильич за границей стал известен под фамилией Ленина, мы, самарцы, уже рассеянные в то время по другим городам, при встречах друг с другом с гордостью вспоминали своего бывшего товарища по кружку и говорили: «Это наш, самарский, «орленок» расправил там свои крылья».

Лично мне казалось уже тогда, что Владимир Ильич отмечен печатью гениальности. Позже, в 900-х годах, когда Владимир Ильич во время революции 1905 года и потом за границей полностью выявил облик вождя пролетариата, я неоднократно препирался (уже в Саратове) с покойным теперь И. П. Гольденбергом (партийная кличка Мешковский), утверждая, что равного Ленину

ни в теории, ни в практике революционного движения нет ни в России, ни даже в Западной Европе. Гольденберг был, повидимому, иного мнения, ибо над моим «увлечением» он подшучивал.

Припоминаю двух наиболее упорных противников Владимира Ильича в спорах: фельдшера земской больницы Ивана Карповича Иванова, которого Владимир Ильич в горячей словесной схватке иногда называл по ошибке Карпом Ивановичем, что последнего очень обижало, и помощника машиниста Владимира Ивановича Соколова.

И. К. Иванов в то время уже имел значительный политический стаж, — он только что вернулся из ссылки (кажется, из Архангельска) и потому представлял, сравнительно, серьезного оппонента. Он был поклонником С. Н. Южакова и любил цитировать его. Один раз он наизусть привел из этого автора цитату строк в восемь, в которой не было, кроме союзов и предлогов, ни одного русского слова, надеясь этой ученостью окончательно сразить своего противника. Вместо ответа Владимир Ильич встретил цитату громким смехом, и мы долго не могли забыть этой «ученой» цитаты.

В. И. Соколов, также человек весьма начитанный, аргументировал в своих речах ссылками на Николая-она и пытался истолковать в народническом духе Каутского, называя его Каўцким, с ударением на у.

Споры происходили иногда в такой обстановке: Владимир Ильич по приходе к А. П. Скляренко ложился на его постель, подложив предварительно под ноги газету, и начинал слушать разговоры сидящей вокруг стола «публики». Когда чье-нибудь суждение заставляло его подать свой голос, он начинал сразу в резком тоне. «Ерунда!»... слышалось с постели, а затем начинались возражения. Оппонент, обиженный этой неожиданной репликой, вскипал, а Владимир Ильич спокойно садился на постель или подходил к столу и продолжал свою беспощадную критику.

Если противник обнаруживал безнадежное упрямство, стремясь всякими способами отстоять свои очевидные заблуждения (таковыми были в особенности старые народники), то Владимир Ильич не останавливался перед иронией и нередко зло его высмеивал. Поэтому многие народники относились к нему чрезвычайно недружелюбно.

Особенно острыми были столкновения в спорах Владимира Ильича с В. В. Водовозовым. Будущий белогвардейский эмигрант уже тогда, очевидно, начал распознавать в своем оппоненте непримиримого врага народнической и либеральной идеологии и своего политического противника. После одного из таких столкновений отношения между ними стали натянутыми.

До какой степени самостоятелен и устойчив в своих взглядах и суждениях был в то время Владимир Ильич, видно из следующего. Раз во время спора его по какому-то серьезному вопросу с Водовозовым в квартире последнего (это произошло, сколько помню,

после доклада Водовозова о германской социал-демократии) присутствовавший здесь же М. Т. Елизаров, бывший значительно старше Владимира Ильича, захотел его поддержать и начал развивать по-своему высказанное Владимиром Ильичем положение. Последний, нимало не смущаясь, бросил в сторону М. Т., что он с ним не согласен, и спокойно продолжал свою речь. Елизаров сконфуженно замолк.

Одной из главных тем, вокруг которых вращались наши дискуссии в кружке, был вопрос об экономической эволюции России.

Насколько слабо было знакомство тогдашнего «культурного» общества с марксистским учением, показывает следующий любопытный случай. В помещичьем имении, где я жил в качестве учителя в 1887—1888 годах, мои хозяева, обнаружив мое пристрастие к литературе, сообщили мне, что у них имеется книга, оставленная управляющим какого-то соседнего имения, и что книга эта учит, как накоплять капитал. Я купил у них эту книгу, оказавшуюся первым томом «Капитала» К. Маркса. Книга эта тогда считалась запрещенной, и ее у меня потом отобрали во время одного из обысков.

Марксистской легальной литературы, как уже указывалось выше, было тогда чрезвычайно мало. Кроме первого тома «Капитала» были статьи и известная диссертация Н. Зибера, несколько разрозненных статей в толстых журналах, например, статья Кауфмана в «Вестнике Европы» (за подписью И. К-н). В литературе безраздельно господствовало народничество, поэтому будет понятно, какой неслыханной дерзостью считались тогда выступления Владимира Ильича, в которых он резко критиковал В. В., Карышева, Каблукова, Николая-она и даже «самого» Н. К. Михайловского.

Эти эпигоны старого народничества, усвоив некоторые из его утопических положений, проповедывали тем не менее в своих статьях на страницах «Русского богатства», «Русской мысли», «Вестника Европы» и других либеральных журналов культурнический оппортунизм, отказывались от революции и тесно смыкались с либералами, провозглашавшими тогда лозунг: «теперь не время широких задач». Поэтому выступления Владимира Ильича касались как теории, так и практики, в особенности либерального народничества. Содержание этих выступлений Владимир Ильич изложил в своей книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», в которую включил отдельные куски своих критических статей, написанных еще в Самаре. В июньской книжке «Русской мысли» за 1892 год появилась первая статья Н. К. Михайловского с обвинениями марксистов в проповеди необходимости «отделения производителей (крестьян) от средств производства». В. И. Ленин немедленно реагировал на эту выходку столпа либерального народничества соответствующим докладом в нашем кружке.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Доклады Владимира Ильича. Споры с народниками. Голод и холера в Поволжье. Последний год пребывания Владимира Ильича в Самаре.

Нелегальная марксистская литература появилась в обращении в Самаре главным образом в период пребывания здесь Владимира Ильича. У нас были издания «Группы освобождения труда», из которых в особенности я помню миниатюрные брошюры Плеханова «Наши разногласия» и «Социализм и политическая борьба», отпечатанные на тонкой гладкой бумаге. Была также «Эрфуртская программа».

Эти брошюры переходили из рук в руки, усиленно читались и обсуждались как в кружках, так и при случайных встречах подпольщиков.

Были также немецкие издания некоторых работ Маркса и Энгельса («Анти-Дюринг», «Положение рабочего класса в Англии», «Манифест коммунистической партии»), отдельные номера журнала «Archiv» Г. Брауна, но они широкого распространения не имели, в силу малого знакомства кружковцев с немецким языком.

Резко повысился также интерес к легальным марксистским сочинениям. Везде начинали читать первый том «Капитала» Маркса (в переводе Николая-она), но все ломали зубы на знаменитых первых 29 страницах этой книги, в которых излагается диалектика стоимости. Из популярных изложений несколько помогала диссертация Зибера, статейка же И. Кауфмана не была нами в то время понята и оценена должным образом*. Вследствие этого многое из экономической теории Маркса понималось в кружках неправильно, а революционная ее основа совершенно ускользала от внимания молодых марксистов, пока мы не ознакомились с ней на докладах Владимира Ильича.

Я, например, прочитал первый том «Капитала», как указывалось выше, еще в 1888 году, но усвоил из него только общую схему экономики капиталистического общества, содержание глав исторического характера (первоначальное накопление и пр.) и совсем не понял абстракций марксовой диалектики. Многие из нас усвоили формальную сторону диалектики Гегеля, и его триада (тезис, антитезис, синтезис) обсуждалась на все лады вечерами в Струковском саду, где на особой лавочке собирались молодые марксисты.

Некто В. Федотов додумался даже до диалектических противоречий эволюции материальной культуры и человеческого сознания и пришел к философии пессимизма Э. Гартмана. Целые ночи проводил я с ним в спорах о диалектическом методе и его применении при рассмотрении социологических вопросов, а также об истоках гартмановской «философии бессознательного».

* Как известно, Маркс считал, что Кауфман в этой статье «очертил.., удачно... не что иное, как диалектический метод» (см. предисловие ко второму изданию первого тома «Капитала»).

Владимир Ильич писал и затем докладывал в кружке обширные статьи по экономическим и политическим вопросам, в которых подвергал уничтожающей критике ходячие догматы народнических учений о самобытном экономическом развитии России, о роли земельной общины, о разложении крестьянства и т. п. Эти темы были весьма актуальны, так как их освещение стояло в тесной связи с политической программой и в конечном счете определяло партийность и политическое поведение той или иной группы единомышленников.

Наш кружок стал привлекать общее внимание не только в Самаре, но и во всем Среднем и Нижнем Поволжье. Послушать новое учение и противопоставить ему старые догматы народничества приезжали из Саратова, Казани и других поволжских городов.[16] Все дискуссии происходили на квартире А. П. Скляренко.

Из приезжавших для этой цели в Самару осенью 1892 года я помню Н. Д. Россова, Аделаиду Романову, Смирнова[17] (бывший офицер), М. П. Ясневу.[18] Приезжали народники-субъективисты (последователи Михайловского), объективисты (разновидность той же школы, следовавшая за Южаковым), последователи П. Ф. Николаева (впоследствии одного из организаторов партии народного права), последователи якобинца Зайчневского и др. Последователями Зайчневского были Романова и Яснева, только что возвратившиеся из Сибири, куда они ездили, как иронически говорили в нашем кружке, «на поклон» к своему учителю. Они особенно упорно, как я помню, оспаривали положения, выдвигаемые Владимиром Ильичем.

М. П. Яснева и по возрасту (ей было за 30 лет) и по практическому опыту революционной деятельности была значительно старше членов нашего кружка. Вполне естественно поэтому, что она выступала в кругу «зеленой», как ей казалось, молодежи уверенно и авторитетно. Однако Владимир Ильич, стоя на классовой точке зрения, спокойно и без труда парировал наскоки Ясневой и особенно ее сотоварища — А. Романовой, и в конце концов разбил якобинскую теорию захвата власти, которую защищали эти две российские якобинки.

Летом, если мне память не изменяет, 1892 года в Самару приехал Н. К. Михайловский и остановился на даче у В. Водовозова, который считал себя его учеником. Посещали дачу в это время только «солидные» либералы и народники, нашу же братию, революционную молодежь, пускали туда лишь по строгому выбору. Владимир Ильич, насколько я знаю, с Михайловским не встречался, но по разговорам в кружках было известно, что вопрос о марксизме на даче обсуждался. Может быть здесь Михайловский получил новые материалы и аргументы для своих последующих выступлений в печати против «учеников». На дачу Водовозова проник только один из близких к нашему кружку людей — А. А. Беляков, явившись туда под видом хорошего знакомого Водовозова, по предварительь-

ному уговору с последним. Впрочем, Беляков ничего интересного о беседах «властителя дум» того времени нам не сообщил, кроме того, что Михайловский пьет много пива, и что ему (Белякову) он подарил на память свою белую летнюю фуражку, которую последний хранил как дорогую реликвию.

Под влиянием Владимира Ильича Скляренко решил серьезно заняться исследованием вопроса о расслоении деревни. Для этого он, как я говорил выше, поступил в 1891 году на должность письмоводителя к земскому начальнику А. И. Самойлову, контора которого находилась в Самаре, а участок состоял из пригородных волостей. Скляренко по своей должности часто разъезжал по деревням, знакомясь с крестьянским хозяйством на месте. Он составлял целые анкеты, опрашивая сельские и волостные управления по интересующим его вопросам. Между прочим, он обследовал влияние неурожая 1891 года на расслоение крестьянства и напечатал в «Самарской газете» (в 1893 году) ряд статей на тему о влиянии неурожая на крестьянское скотоводство.

Старики-народники относились к новому учению отрицательно и с тревогой наблюдали то оживление, которое оно внесло в кружки молодежи. Они ясно чувствовали, что влияние старых народнических теорий и идеалов отходит на задний план и что на смену им неудержимо идет что-то новое, для них мало понятное.

У А. И. Ливанова частенько происходили собрания «стариков», на которых обсуждались текущие политические события, в том числе и новое марксистское учение, или вспоминалась старая эпоха народничества и народовольчества. В. Ю. Виттен по старой привычке политических ссыльных тщательно готовилась к этим собраниям, варила для гостей кофе или какао и подготовляла темы для бесед. Мы с А. П. Скляренко иногда бывали на этих собраниях, так как здесь можно было получить сведения о всех новостях в жизни самарских кружков и о нелегальной литературе.

Старики обсуждали, между прочим, и теории, развиваемые Владимиром Ильичем, и на головы «марксят», «гегельянцев» (так они называли последователей нового учения) сыпались всяческие обвинения. Марксистов обвиняли прежде всего в нереволюционности их учения, в искусственности пересадки этого учения из Западной Европы в Россию, где для его развития и применения на практике, якобы, нет подходящих условий. Говорили, что марксисты стоят за развитие капитализма, т. е. за усиление эксплуатации рабочих, за пролетаризацию крестьянства и т. п.

Владимир Ильич, хотя и не бывал на этих собраниях, но с большим вниманием выслушивал наши рассказы о брюзжании стариков.

Тем для обсуждения как на вечерах народников, так и на кружках молодежи в 1891 и 1892 годах было более, чем достаточно. В 1891 году, ознаменовавшемся колоссальным неурожаем, особенно в поволжских губерниях, разразился страшный голод.

Я помню голодающих крестьян, которые с лопатами и кирками

в руках приходили с общественных работ, организованных в Самаре, и собирались толпами у дома губернатора или у квартиры инженера Перцева, руководившего этими работами. Здесь они простаивали часами, ожидая распоряжения властей по поводу их требований о выдаче или об увеличении зарплаты (получали они очень мало, копеек 10—15 в день), или ждали назначения на новые места работы. Работы были организованы весьма неудовлетворительно: они заключались в дорожном строительстве, засыпке оврагов и т. п. и велись без всякого плана. Крестьяне требовали оплаты простоев, но администрация отказывала им в этом. Толпы голодающих были очень неспокойны и разговаривали с начальством весьма непочтительно. Это создавало напряженную атмосферу, так как применение обычных в таких случаях репрессий — арестов «зачинщиков и подстрекателей» — было небезопасно. Истомленные голодным существованием, бессмысленной и тяжелой земляной работой под знойным самарским солнцем, крестьяне могли наделать больших неприятностей властям.

Либералы из числа самарских земцев и чиновников, при поддержке народничествующей интеллигенции, организовали комиссию «помощи голодающим». Вопросы, связанные с отношениями к этой комиссии, были темой разговоров в кружках подпольщиков. Обсуждались они и в нашем кружке, причем Владимир Ильич, разъясняя смысл и значение подобных организаций в условиях царского режима, резко высказывался против какого бы то ни было отождествления работы в этой комиссии с революционной деятельностью. Стычки по этому поводу у него были как с В. Водовозовым, так и с другими филантропами.

Вслед за голодом в Самаре летом 1892 года вспыхнула холера. Люди умирали сотнями (были дни с тремястами смертных случаев), в деревне возникали холерные бунты, обрушившиеся прежде всего на врачей и фельдшеров. В городе началась паника.

Все пили соляную кислоту и всячески избегали употребления фруктов. Я ходил ежедневно на урок к Грачевым, в Молоканский сад, и видел здесь груды великолепных самарских яблок, которыми были завалены террасы дач и к которым никто не хотел прикоснуться. Разъясняя купцам, что холерная инфекция в Самаре водного происхождения и что воду можно пить только кипяченую, а свежие фукты употреблять совершенно безопасно, я храбро ел яблоки и холерой, к их удивлению, не захворал.

Панику в городе усилил приезд «холерного диктатора», принца А. П. Ольденбургского, командированного из Петербурга для борьбы с холерой и усмирения крестьянских бунтов. Городской голова, купец Аржанов, встречавший диктатора на пристани в полной парадной форме, стоял перед ним с непокрытой головой. Принц выдернул у него из-подмышки чиновничью форменную треуголку, надел ему на голову и, прихлопнув ладонью сверху, грозно сказал:

— Вот как надо встречать меня!

Кружки подпольщиков волновали не только эти внутренние, специфически самарские события, но и вести из столиц и других промышленных центров. До нас доходили сведения об арестах социал-демократических кружков в Москве, о волнениях рабочих на Дону (в Юзовке) и в Польше, где генерал-губернатор Гурко применял суровые меры против забастовщиков («Патронов не жалеть» — такова была его директива). В кружках следили за начавшимся в России промышленным кризисом и нарастающим рабочим движением.

Однако этот интерес был больше теоретический, так как эти события развертывались далеко от Самары и ни в какой мере не затрогивали самарское «культурное» общество, а прочных связей с рабочей массой кружки марксистов еще не имели.

Владимир Ильич за последние годы своей жизни в Самаре написал несколько значительных работ и некоторые из них читал в нашем кружке. Одна из этих статей являлась подстрочным комментарием к книге В. В. (В. П. Воронцова) «Судьбы капитализма в России». Другая была посвящена одной из работ С. Н. Кривенко (известного в то время народника, сподвижника В. В.). В третьей статье он изложил содержание книги В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство».

Произведя «систематизацию материалов Постникова», как выражается В. И. Ленин, и дополнив их своими выкладками, он сделал «обзор политико-экономических различий» отдельных групп крестьянского хозяйства юга России и сформулировал ряд весьма ценных и новых для того времени выводов относительно классового строения деревни, которые были совершенно чужды автору книги, Постникову. Позднее, как известно, Владимир Ильич, пополнив эту свою работу цифровыми материалами целого ряда земских и иных исследований экономики русской деревни, ввел ее в содержание своей книги «Развитие капитализма в России», написанной уже в ссылке.

Свой доклад о книге Постникова Владимир Ильич делал на кружке осенью 1892 года. В этом докладе он, сколько я помню, подчеркивал следующие мысли: народники не стоят на классовой точке зрения и не понимают роли и значения классовой борьбы, развертывающейся в деревне. Они не умеют, поэтому, пользоваться надлежащим образом статистическими материалами. Смазывая классовые различия между группами крестьянских хозяйств (богатых, средних и бедноты), народники получают ничего не говорящие средние цифры и на них основывают свои выводы, относящиеся вследствие этого к какому-то среднему, не существующему в природе крестьянскому хозяйству.

Признавая достоинством работы Постникова замену им обычных для земской статистики средних групповыми показателями, Владимир Ильич указывал, что и сам Постников не провел систематического разделения крестьянских хозяйств на «ясные» группы и потому он едва ли вправе делать подобные упреки зем-

ской статистике. Постников не стоял на четких позициях классового анализа дифференциации крестьянского хозяйства и вследствие этого либо обходил молчанием важнейшие вопросы экономики выведенных им групп хозяйств, либо давал им неправильное истолкование.

Приводя рассуждения Постникова о культурном значении для страны торговой площади ее земельных угодий, Владимир Ильич заметил, что здесь автор забывает существование в деревне натурального хозяйства, не производит учета денежной части дохода от сельского хозяйства в различных группах и впадает таким образом в обычную ошибку вульгарной политической экономии.

Пытаясь найти причины расслоения крестьянства, Постников совершенно сбивается с пути и начинает искать эти причины в пьянстве, конокрадстве и т. п. пороках крестьян, обычно выдвигаемых буржуазными экономистами. Вместе с этими «причинами» он формулирует свой «закон перенаселенности земледелия в России, перенасыщенности земледелия трудом» и видит в нем причину разложения крестьянства, что, разумеется, Владимир Ильич полностью отвергал. Постников обходил молчанием вопрос о продаже рабочей силы беднейшими группами крестьянских хозяйств, об эксплуатации их зажиточной верхушкой и т. д.

Отмечая большое число таких недостатков в работе Постникова, Владимир Ильич дал в своем докладе ряд выкладок и таблиц, построенных на основании первоисточников — земских статистических сборников по Таврической губернии, — и делал из них соответствующие выводы. Практические мероприятия, предлагаемые Постниковым для «разрешения аграрного вопроса», сводятся к мелкобуржуазному реформаторству, и Владимир Ильич называет эту часть его работы «наиболее слабой», отказываясь даже излагать рассуждения автора на эту тему.

Помню также полемическую статью о роли русской интеллигенции в революционном движении. Эта работа и упомянутая выше статья против В. В. были несомненно первыми фрагментами произведения «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» или, во всяком случае, были широко использованы Лениным в этом произведении. О правильности моего утверждения говорят следующие соображения и факты.

Из работ либеральных народников, направленных против марксистов, В. И. Ленин упоминает в «Друзьях народа» ряд статей и книг, вышедших в свет не позднее 1893 года, т. е. до его отъезда в Петербург. Из этих работ можно отметить следующие: статьи Николая-она (Н. Ф. Даниельсона), печатавшиеся в журнале «Слово», собранные и изданные автором в 1893 году отдельной книгой — «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства»; книгу В. В. «Судьбы капитализма в России», его же статьи в журналах «Русское богатство» и «Северный вест-

А. П. Скляренко
(1890 г.).

М. И. Лебедева
(1891 г.).

И. А. Кузнецов
(1893 г.).

И. Х. Лалаянц.

ник», изданные затем в виде отдельных книг: «Наши направления», «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве»; статья Н. И. Кареева «Источники исторических перемен», напечатанная в «Русском богатстве» за 1892 год (№ 1). Наконец, Н. К. Михайловский выступил в июньской книжке «Русской мысли» за 1892 год с обвинением марксистов в стремлении «отделить производителя от средств производства» (обезземеление крестьян). В майской книжке «Русского богатства» за 1893 год была напечатана анонимная хвалебная рецензия на книгу «Николая-она, принадлежавшая также перу Михайловского.

На многие из этих и подобных им политических выступлений против марксизма Владимир Ильич реагировал статьями или докладами на кружке еще в Самаре. Это мне очень хорошо помнится.

В «Друзьях народа» мы находим целый арсенал ленинских возражений не только против чисто теоретических построений либерального народничества, но и против их ошибочной трактовки ряда важнейших вопросов эволюции крестьянского и общественного хозяйства в России. Подавляющее большинство этих возражений фактического порядка опирается на старые статистические и иные материалы 70—80-х годов, которые использовывались В. И. Лениным еще в его выступлениях на самарском кружке. Это же оружие он использовал и в «Друзьях народа», направляя свои удары против выступлений критиков марксизма (особенно в «Русском богатстве» в 1894 году), когда эти выступления стали чрезвычайно озлобленными и нетерпимыми. Наличие большого ранее подготовленного вспомогательного материала значительно облегчило работу В. И. Ленина над «Друзьями народа». Этим отчасти можно объяснить тот факт, что «Друзья народа» были написаны в короткий срок: к работе над ними Ленин как известно приступил весной 1894 года, и в марте был уже готов первый выпуск размером более $3^1/_2$ печатных листов, в апреле был написан второй выпуск (размеры которого неизвестны) и летом того же года, на даче под Москвой, Владимир Ильич написал третий выпуск в 6 слишком печатных листов. Таким образом вся работа, вероятно, была размером не менее 12 печатных листов.

Осенью 1894 года Владимир Ильич уже читал в марксистском кружке в Петербурге свой доклад по поводу книги П. Б. Струве «Отражение марксизма в буржуазной литературе». На основе этого доклада была затем составлена известная статья против Струве, размером около 9 печатных листов. Едва могут быть сомнения в том, что эти две крупные литературные работы, написанные В. И. Лениным в каких-либо 8—9 месяцев, в значительной мере основаны на фактическом материале, подготовленном автором еще в Самаре.

Споров по поводу доклада о книге В. Постникова в кружке не было. Были только вопросы. Мы уже настолько освоились с основными положениями марксистской теории, что классовые груп-

пировки крестьянских хозяйств в исследованиях, подобных работе Владимира Ильича, считали единственно возможными и правильными. Однако для того, чтобы разобраться в цифрах, приведенных в статье Владимира Ильича, мы читали ее более внимательно дома, каждый в отдельности.

Я долго хранил некоторые статьи Владимира Ильича, пока их не отобрали жандармы у меня или у моего брата Т. И., которому я передал одну из этих статей*. Это были тетради в четвертую долю писчего листа, исписанные мелким, четким почерком с многочисленными табличками, которыми всегда Владимир Ильич любил иллюстрировать и подтверждать изложение.

Скляренко после особенно злостных и клеветнических выступлений Н. К. Михайловского по адресу марксистов (в октябрьской книжке «Русского богатства» за 1893 год) написал небольшую, но весьма вызывающую статью против него и хотел напечатать ее в каком-то периодическом издании**. Прочитав эту статью, я не одобрил ее содержания. Скляренко послал ее в Петербург Владимиру Ильичу, который также не советовал ее печатать. Однако Скляренко упорствовал и куда-то ее посылал. Напечатана она однако не была. Для марксистских статей тогда вообще трудно было найти место в легальной печати, независимо от их литературных достоинств.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Кружок Е. И. Козмановой. Приезд в Самару группы казанцев. Оживление деятельности подпольных кружков. Зима 1893/94 года в Самаре.

Здесь необходимо остановиться на описании еще одного кружка, имевшего некоторые связи с А. П. Скляренко. Я имею в виду кружок Е. И. Козмановой и ее сына Ф. И. Козманова, известный тогда в среде самарской революционной интеллигенции под кратким, но выразительным названием «Мельница». Деятельность этого кружка стала проявляться в последний (1893) год пребывания Владимира Ильича в Самаре.

Елизавета Ивановна Козманова — вдова одного из участников процесса 193-х, студента технологического института Ивана Козманова — приехала в Самару с двумя детьми (Филадельфом и Зинаидой), училась здесь в фельдшерской школе, затем вышла замуж за А. Г. Буянова, бухгалтера одной из самарских мукомольных мельниц, и жила с ним при этой мельнице на окраине города, откуда их кружок и получил свое название.

Е. И. Козманова завела широкое знакомство с самарской молодежью, и в ее квартире постоянно сходилось много самого разнообразного народа. Тут мало было дела, но много разговоров, споров

* Если память мне не изменяет, это была упоминавшаяся выше статья о феодализме в России.

** Кажется, это была либеральная газета «Русская жизнь».

и бесконечное чаепитие. «Публика», наговорившись, заканчивала чаепитие поздней ночью и нередко вся тут же оставалась ночевать.

Дети Е. И. Козмановой — Филадельф Иванович и Зинаида Ивановна (оба — мои ученики) — были хорошие ребята, но из них, впрочем, активных революционеров не вышло.

У Козмановых бывали многие из перечисленных выше учениц фельдшерской школы, В. А. Ионов, Митяга Юренков. Здесь постоянно жил слесарь Воткинского завода Вахрушев, впоследствии член первой Государственной думы из фракции трудовиков, и В. Федотов, готовившийся к экзамену за среднюю школу. Бывали иногда и мы с А. П. Скляренко.

Идейным руководителем Мельницы был В. А. Ионов, который посещал кружок чаще других, снабжал его литературой и проводил там беседы. Отношение к Мельнице со стороны Скляренко и других серьезных работников подполья было пренебрежительное за ту шумиху, бестолочь и фактическое безделье, которые выделяли этот кружок из ряда других. Упомянутый выше В. Федотов, имевший к революционным кружкам чисто внешнее и случайное отношение, едко и злобно издевался над мельничными собраниями, но Козмановы все-таки считали возможным его постоянное пребывание в их квартире.

Владимир Ильич сношений с Мельницей не имел, но, разумеется, о существовании и деятельности этого кружка знал, тем более, что он был знаком с В. А. Ионовым, ближе других соприкасавшимся с Козмановыми.

Скляренко, всюду пытавшийся вносить организующее начало, решил использовать Мельницу для революционных целей и передал туда сначала свою библиотеку легальных изданий, а затем там же стали хранить и нелегальные издания. Сам он в это время, за отъездом М. И. Лебедевой в Крым, ликвидировал свою квартиру и переселился к А. И. Самойлову.

Точно даты я не помню, но кажется, что начало новой деятельности Мельницы относится к 1893 году, когда между нелегальными изданиями были уже преимущественно марксистские, появившиеся в обращении и особенно всех интересовавшие благодаря пропаганде Владимира Ильича.

Нелегальной библиотекой распоряжался Скляренко, а легальные издания фактически находились в руках Филадельфа Козманова.

С этого времени мельничный кружок втягивается в деловую работу. Скляренко стал там бывать чаще, чтобы не допускать шумных, больших собраний, которые могли провалить хранящуюся там литературу.

Нужно сказать, что самарские подпольные кружки благодаря новому (марксистскому) направлению деятельности многих из них получили известность в Казани и Нижнем-Новгороде. Самара стала некоторым притягательным центром для людей, интересующихся марксистским революционным учением.

В 1893 и в последующие годы в Самару явилась целая группа бывших казанских студентов и другой молодежи, из которой запомнились мне следующие лица: Владимир Евгеньевич Андреев, Иван Алексеевич Керчикер, Михаил Георгиевич Григорьев[19], Петр Павлович Маслов[20], Исаак Христофорович Лалаянц[21]. Точно не могу установить времени появления этих лиц в Самаре, кроме Лалаянца. Он приехал в начале 1893 года, Андреев и Керчикер, вероятно, также приблизительно в это время, а Маслов — в конце 1893 года, т. е. уже после отъезда из Самары Владимира Ильича. М. Григорьев появился в Самаре в начале 1894 года, незадолго до ареста нашего кружка (март 1894 года). Почти все эти лица держались тогда марксистского направления.

Был ли в это время в Самаре Р. Э. Циммерман (Р. Гвоздев) — сказать не могу. По всем данным он приехал сюда значительно позднее (в 1894—1895 годах), так как я с ним ни разу здесь не встречался и знаю о нем только по рассказам брата, Тимофея Ивановича, работавшего в 1896 году вместе с ним в «Самарском вестнике».

Из перечисленных казанцев довольно близко сошелся с Владимиром Ильичем и с нашим кружком лишь один И. Х. Лалаянц, который часто бывал у Скляренко.

Кто из прочих членов этой группы, заставших еще Владимира Ильича в Самаре, вел с ним знакомство, я не знаю. Близкого знакомства с ним, повидимому, ни у кого из этих лиц не было. По крайней мере я, частенько встречавшийся с Керчикером и Андреевым, не помню никаких разговоров с ними о Владимире Ильиче.

Два слова о Лалаянце. Он не обладал достаточной марксистской подготовкой, не имел даже законченного среднего образования (он окончил 6 классов реального училища в 1889 году) и, конечно, не мог итти по своему развитию ни в какое сравнение не только с Владимиром Ильичем, но даже с А. П. Скляренко. Лалаянц отличался резкостью, прямолинейностью суждений и живостью южанина. Скляренко, дававший всем меткие прозвища, звал его «Чивирядзе», и под этим именем Лалаянц был известен в нашем кружке.

Однажды мы с ним шли после какого-то собрания к нему на квартиру и вели жаркий спор. При входе в свою комнату Лалаянц в пылу горячего спора не перестал размахивать палкой и не поставил ее в угол, а сразмаху пустил в глубину комнаты, где что-то зазвенело, вроде разбитой лампы. Тут только Лалаянц опомнился и увидел, что он не на улице, а в комнате. Вместе с тем он был очень хорошим товарищем и стойким революционером.

Знакомство Лалаянца и встречи его с Владимиром Ильичем в 1893 году продолжались не более двух месяцев. (Лалаянц приехал в феврале или марте 1893 года, а Владимир Ильич в мае уехал на все лето в деревню и в августе отправился в Петербург.) О совместных выступлениях Владимира Ильича, Скляренко и Лалаянца на со-

браниях в 1893 году мне не приходилось слышать. Весной 1893 года, сколько я помню, было лишь одно собрание (в квартире железнодорожного служащего Балашова), но оно носило скорее увеселительно-танцовальный характер, чем характер кружкового собрания. На этом вечере был Владимир Ильич, были также Скляренко и Лалаянц. Но беседы и дискуссии на политические темы здесь не велись.

В том же году у Лалаянца был произведен обыск, закончившийся безрезультатно. Очевидно, обыск этот явился следствием прежних связей Лалаянца в Казани, так как никого больше на этот раз из нашего кружка жандармы не потревожили.

На собраниях нашего кружка, на которых обсуждались вышеупомянутые доклады Владимира Ильича (о книге Постникова, о работах В. В., Кривенко и других народников), Лалаянца не было — это я хорошо помню, следовательно, они происходили до его приезда в Самару, т. е. зимой 1892/93 года. В последующие месяцы 1893 года я не помню каких-либо докладов Владимира Ильича на кружке.

Следует отметить одну весьма характерную черту в отношениях Владимира Ильича к сотоварищам по кружку. Если нужно было кому-либо помочь в овладении тем или иным знанием в области марксистской теории, или убедить заблуждающегося товарища в правильности того или иного положения этой теории, или же доказать ошибочность рассуждений и выводов того или иного автора, — Владимир Ильич не щадил никаких трудов. Он готов был разыскать нужную книгу, даже сделать необходимые выборки, а иногда написать статью, чтобы осветить соответствующий вопрос самым обстоятельным образом. Отсюда и его многочисленные доклады на кружке по самым разнообразным вопросам марксистской теории, истории и экономики. Агитатор, пропагандист и чуткий, заботливый товарищ сочетались в нем в высокой степени полно и совершенно.

В частных сношениях с товарищами он был весьма добродушен, ласков и непрочь был повеселиться. Иногда Скляренко затаскивал его вместе с другими товарищами в пивной павильон Жигулевского завода на берегу Волги, и здесь компания за веселым разговором и шутками проводила час-другой. Владимир Ильич прозвал Скляренко за уменье организовать такие увеселения «доктором пивоведения»*. Разумеется, во время таких увеселительных прогулок нередко разгорались и споры по серьезным вопросам.

Зимой 1893/94 года марксистской молодежью было организовано несколько открытых вечеринок. Одну из них мы устроили для помощи ссыльным и заключенным. Здесь в одном зале шли споры между марксистами и народниками, а в другом — вокруг И. Х. Лалаянца, пустившегося в пляс, собралась веселая группа

* У И. Х. Лалаянца — «доктор пивопития» (см. «Ленин в Самаре», стр. 33). Здесь, очевидно, память изменила Лалаянцу.

молодежи и, хлопая в ладоши, поощряла его хореографические упражнения, импровизируя вроде:

Приходи, кума, за медом,
Медом, — дам.
Лалаянец, Лалаянец молодой,
Христофорыч, Христофорыч пожилой...*

Другая большая вечеринка была устроена с целью сбора средств на усиление библиотеки марксистских кружков. Вечеринка была платная, и на ней присутствовали многие из самарских либералов. Также помню большое, шумное собрание для встречи нового, 1894 года.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Арест членов нашего кружка и Мельницы. „Мымрецов" и его методы работы. Тюремные типы и тюремное начальство. Бунт политических. „Самарский вестник".

Оживление деятельности марксистских кружков и количественное их увеличение, естественно, увеличили и число лиц, обращавшихся за легальными книгами в библиотеку Мельницы. Это создавало опасность провала хранившихся там же нелегальных изданий. По этой причине в начале 1894 года было решено отделить библиотеку легальных изданий и перевезти ее ко мне.

Эта работа однако выполнена была без должных предосторожностей. Филадельф Козманов вместе с моей женой и братом нагрузили мешки с книгами на воз и привезли их вечером (в начале марта) на мою квартиру. Очевидно, за Мельницей уже было установлено наблюдение. Не успел я расставить книги на полки, как ко мне явилась целая свора жандармов и полиции.

Нелегальных изданий найдено не было, так как мы с женой успели во время обыска втолкнуть несколько брошюр в вентиляционные трубы в стенах, а затем ночью даже сжечь некоторые брошюры в печке, две брошюры Плеханова мне удалось выбросить в ретирад. Жандармы долго копались в книгах и, не окончив обыска, уехали, обещав приехать на другой день.

В квартире была устроена засада из двух жандармов, мы с женой были оставлены под наблюдением этих чинов. Во время обыска к нам пришел Лалаянц. Однако, заметив необычную обстановку в квартире, он успел убежать от погнавшегося за ним жандарма. Ночью жандармы, может быть, в целях обнаружения других членов нашего кружка, не воспрепятствовали моей жене выйти из квартиры. Она успела объехать некоторых товарищей, и прежде всего посетить А. П. Скляренко, и сообщить им о нашем провале. Кроме того во втором этаже нашего дома жил недавно приехавший из

* Дело в том, что молодой по возрасту Лалаянц имел довольно старообразую физиономию. Это обстоятельство иногда было предметом добродушных шуток его товарищей.

Петербурга брат мой, который успел известить, кого было нужно, о нашествии жандармерии.

Скляренко был арестован позднее всех, дня через четыре после нашего ареста, так как он, узнав о происшедшем, ушел из своей квартиры и метался по городу, ликвидируя нелегальную литературу, технику и предупреждая кружки о возможности провалов. Он был задержан на улице и при аресте оказал сопротивление, вступив в рукопашную схватку со шпиками и жандармами. У Козмановых было найдено несколько нелегальных изданий. Обыск у Лалаянца ничего не дал, и жандармы оставили его на свободе.

Жандармы по своему обыкновению постарались раздуть дело и присоединили к нам лиц, не имевших никакого отношения к нашему и мельничному кружкам.

Были арестованы А. П. Скляренко, Ф. И. Козманов (дело получило название «Дело Козманова и Скляренко»), Е. И. Козманова, А. Г. Буянов, М. И. Семенов и С. А. Семенова, — имевшие отношение к названным кружкам, а также мой брат Т. И. Семенов, М. В. Беляков и И. К. Иванов — не имевшие к ним отношения. Кроме того была арестована С. Моршанская (впоследствии жена Скляренко), но после месячного заключения была выпущена на поруки по ходатайству своей матери.

Т. И. Семенов привлекался по питерскому делу и получил после длительного предварительного заключения один год тюрьмы. М. В. Беляков работал в какой-то культурно-просветительной комиссии, и жандармы скоро убедились в своей ошибке. Однако он долго сидел в тюрьме и был выслан из Самары.

Наконец, фельдшер И. К. Иванов (упоминавшийся выше, как один из оппонентов Владимира Ильича) был также привлечен по ошибке: в перехваченном письме кого-то из имевших связи с нашими кружками указывалось, что нелегальщину в Самаре можно получить «у Карлыча». Под этой кличкой был известен один молодой казанец — Николай Карлович Войцехович[22], имевший некоторые связи с нашим кружком и иногда заходивший к Скляренко за нелегальными изданиями. Жандармы ошибочно прочли у «Карпыча», а так как Карпычем звался в Самаре Иван Карпович Иванов, то он и был арестован, а Войцехович не привлекался совсем.

И. К. Иванову стоило большого труда доказать свою непричастность к нашему делу, и его после десятимесячного заключения освободили из тюрьмы без дальнейших последствий.

Дело вел жандармский ротмистр Муромцев, которого мы за его придирчивые допросы и стремление создать из нашего дела громкий процесс прозвали «Мымрецовым». Он вызывал юношу Козманова в женское отделение тюрьмы и здесь производил его допрос инквизиторским методом: допрашивал сначала его мать, посадив Филадельфа за перегородкой так, что он без ведома матери слышал весь ход допроса. Стараясь запугать юношу, Муромцев рисовал матери ужасное будущее ее сына, если последний не даст исчерпы-

вающих и правдивых показаний. Самого же сына он пугал висели-цей и т. п. Однако Козманов держался на допросе очень хорошо. Мымрецов просчитался и нужных ему показаний не получил.

Я останавливаюсь на некоторых подробностях нашего «дела» по той причине, что документы по этому делу были уничтожены (сожжены) самим жандармским управлением в 1912 году. Это установлено в 1925 году работниками Института Ленина, собиравшими на местах материалы о самарском периоде жизни Владимира Ильича.

В делах самарского губернского жандармского управления сохранился лишь следующий документ:

«В 1894 году при наблюдении за поселившимся в г. Самаре по высылке из Санкт-Петербурга бывш. студентом Лесного института Тимофеем Семеновым получены были указания на существование в Самаре кружка, к которому примыкали брат Тимофея Семенова, Матвей Семенов, конторщик Буянов и другие. При этом обращено внимание, что квартира Буянова посещалась преимущественно по вечерам большим числом лиц, при чем посещения эти обуславливались, по агентурным сведениям, совместными чтениями и воспроизведением революционных изданий. Ввиду сего в марте месяце у названных лиц произведены обыски, по которым в квартире Матвея Семенова и его жены Софьи, рожд. Гуттэ, обнаружено большое число изданий периодической цензурной литературы, частью изъятой из обращения. Изложенные результаты обысков послужили основанием к возбуждению дознания и выяснено, что воспроизведением этих сочинений занимались Матвей и Тимофей Семеновы и другие»*.

Меня Мымрецов старался уличить в распространении нелегальных изданий, так как в руках у него оказалась отобранная у кого-то брошюра «Царь-голод», переписанная мною за несколько лет до этого. В конце допроса он цинично заявил, что улики против меня он все-таки найдет. Действительно потом, пользуясь сведениями из перехваченных писем, он состряпал против меня обвинение в соучастии в «преступном сообществе» и т. п.

Центральной фигурой дела оказался Скляренко, как привлекавшийся уже вторично. Особых улик против него жандармам собрать не удалось, но они чувствовали, что имеют в его лице главного организатора подпольной работы кружков. В обвинении фигурировали: организация подпольной библиотеки, распространение нелегальных изданий, организация кружков, устройство вечеринок для сбора средств в пользу ссыльных и заключенных и т. п. Фамилия В. И. Ульянова фигурировала в деле в перечне поднадзорных, о знакомстве с которыми допрашивали некоторых из обвиняемых**.

---

* Сообщено куйбышевским областным архивным управлением.

** В связи с нашим делом весной 1894 года был произведен обыск в квартире А. И. Елизаровой-Ульяновой и М. Т. Елизарова на даче под Москвой, так как у Скляренко при обыске был взят адрес М. Т. Елизарова.

У меня взяли пустой ящик, в котором я получил масло из имения Евреиновых (Курская губерния), где заведующей молочным хозяйством была сестра моей жены. Полагая, что в ящике было прислано что-то подозрительное, жандармы возили ящик в названное имение и произвели там обыск. Затем злополучный ящик путешествовал в Бугульму, где также был произведен обыск и сделан допрос моему отцу. Отца уволили со службы (он был писцом в уездной земской управе), а моего младшего брата Леонида, учившегося в Самаре, исключили из реального училища.

Мы сидели в одноэтажном старом и грязном «секретном» корпусе. По обе стороны единственного коридора корпуса были расположены одиночные камеры, в которых кроме девяти политических содержались наиболее важные уголовные, каторжане и бродяги («непомнящие»), закованные в кандалы, а в одной из камер был устроен темный карцер.

Скоро мы перезнакомились с этими узниками, используя для этого волчки в дверях, встречи на прогулках, а иногда и подкупы ключников.* Уголовные оказывали нам мелкие услуги по передаче записок, добыванию табака, установлению связи с волей и т. п. На такие дела они были великие мастера.

Соседом моим по камере был бродяга «Иван непомнящий», с которым я свел короткое знакомство. (Мне он по секрету назвал свою фамилию — «Константинов».) Он необычайно ловко обходил всякие тюремные запреты и ограничения и появлялся либо у волчка двери моей камеры, либо одновременно со мной на прогулке или же просто встречался и беседовал со мной в коридоре. Это был угрюмый, глядящий исподлобья человек лет за 30, уже три раза бежавший из мест заключения или с этапных пунктов. Его затаенной мечтой было — бежать четвертый раз, как только он доберется до Сибири. Начальство и тюрьму он ненавидел всеми фибрами своего существа и, кажется, не было такой пакости, которую он не был бы готов сделать своим врагам при каждом удобном случае.

Он рассказывал мне о дремучей сибирской тайге, о кукованьи кукушки в лесу, оказывающем магическое действие на душу каждого бродяги, и о сибирских «вольных во все стороны» дорогах. Другой занимавшей его темой были женщины. Вообще эта тема интересовала многих уголовных. Высокий частокол отделял от нас женский двор и женскую тюрьму. Около щелей этого частокола постоянно толпились мелкие уголовные, так называемая «шпана». Каторжан и бродяг секретного корпуса к этому частоколу обычно не допускали.

Начальником тюрьмы был Николай Алексеевич Шкурин, лысый, почти выживший из ума старик. Он был знаком, как он говорил, с отцом А. П. Скляренко, В. И. Поповым, и не раз высказывал

---

* Ключниками назывались надзиратели, постоянно находившиеся в тюремном коридоре со связками ключей за поясом.

сожаление, что сын такого почтенного человека находится в подведомственной ему тюрьме. Обычной его поговоркой было: «ноги в голове, а голова в ногах», что должно было обозначать крайнюю его растерянность и смятение при возникновении всякого нового сложного вопроса в монотонной жизни тюрьмы. Впрочем, эта растерянность не мешала ему сажать узников в карцер при малейшей их провинности и вводить всякого рода строгости в режиме заключенных.

Его помощником был некий Баус, молодой человек, усердно делавший карьеру и фактически осуществлявший все репрессивные мероприятия по отношению к арестантам. Когда я в 1900 году приехал из Саратова в Самару для свидания с моим братом, сидевшим тогда в тюрьме, меня встретил этот самый Баус. Он был уже начальником тюрьмы. Узнав во мне бывшего своего узника, Баус сказал: «Вот теперь пожалуйте к нам, наша тюрьма образцовая!». Действительно это были настоящие «Кресты», по образцу петербургских, с высокими коридорами, с подвесными кроватями, столами, табуретками и т. д.

В тюрьме А. П. Скляренко стал душой всех сидевших в одиночках. Его полюбили и уголовные, особенно каторжане, увидевшие в нем сильного духом человека. Алексей Павлович и в тюрьме никогда не терял присутствия духа, был всегда весел, даже шутлив, налаживал связи с волей, ободрял впавших в уныние. Одним словом, и в тюрьме он продолжал свою организаторскую и агитаторскую работу.

Однажды в тюрьме произошло избиение уголовных надзирателями за какую-то провинность. Каторжане и бродяги из нашего корпуса были в бане и здесь — благо в бане они были вместе и могли действовать от имени всего коллектива — они предъявили начальству какие-то требования (не помню — в чем именно они заключались). За действие «скопом» их с боем погнали из бани в камеры, и вот мы, глядя в дверные волчки, наблюдали такую картину: по коридору бежали арестанты, а надзиратели, стоявшие по сторонам, били их тяжелыми связками ключей.

По плану, предложенному Скляренко, мы подняли шум в камерах. Увидев избиение людей в коридоре, я поднял тяжелую табуретку и со всего размаха бросил ее в дверь своей камеры, затем стал трясти толстую дверь. Подобный же грохот и шум происходили и в других камерах. По коридору раздался громкий ободряющий голос кого-то из уголовных:

— Политические бунтуют!..

Некоторые надзиратели бросились к нашим волчкам, а другие направились в контору для доклада по начальству. Прибежал растерянный Шкурин. Мы требовали прекращения избиения и вызова прокурора для немедленного расследования действий тюремной стражи. Экзекуция была прекращена, а через некоторое время нас стали водить поодиночке, в сопровождении двух солдат

с шашкой наголо в контору, куда приехал товарищ прокурора Вакар, ведший наше дело. Через несколько дней политические, и прежде всего Алексей Павлович, получили предупреждение, что в случае дальнейшего участия в подобных выступлениях они будут преданы суду вместе с уголовными. Однако дело кончилось ничем, так как прокуратура нашла невыгодным для себя раздувать его.

А. П. Скляренко иногда называл меня «химиком», так как я действительно занимался химией, и даже был лаборантом в школе. Кто-то из старых тюремных ключников, услышав это слово, истолковал его следующим образом: «Химик — это колдун, который легко может убежать из тюрьмы, — дай ему ложку с водой, он нырнет в нее и поминай, как звали». Поэтому к окну моей камеры поставили специального часового.

В тюрьме не только «бунтовали», но иногда и предавались шуткам и забавам, и все это по инициативе того же неистощимого на разные выдумки Скляренко, который всякими способами стремился поднять настроение заключенных. Один из узников, А. Г. Буянов, никак не мог забыть своего оставленного на воле имущества и вообще имел большую склонность ко всяким хозяйственным делам. Перед арестом он отдал портному материю для шитья брюк и теперь беспокоился о ее сохранности. Он решил написать прошение мировому судье об отобрании у портного злосчастного сукна и переслал с уголовным свое прошение на заключение «юриста» Скляренко. Последний, шутки ради, решил изложить это прошение в стихах и поручил это сделать мне, что я и выполнил. Мой брат, Т. И. Семенов, украсил стихи соответствующими рисунками, а сам Алексей Павлович написал «политическую историю брюк». Получилась целая тетрадка, в которой на первом плане была изображена демонстрация, а во главе ее — обладатель брюк, красовавшихся на древке. Буянов долго сердился за эту проделку на Скляренко, а все прочие товарищи целый день хохотали.

В тюрьме мы играли в шахматы, выкрикивая ходы в волчки, что некоторые надзиратели за известную мзду нам разрешали. Фигуры делали из хлеба, а доску вычерчивали на столе или на табуретке.

Читать нам разрешали лишь журналы духовного содержания: «Воскресенье» и «Русский паломник», издававшиеся синодом.

Мы исхлопотали выдачу нам пронумерованных и прошнурованных тетрадей белой бумаги и писали в них, кто что хотел. Я, например, занимался алгебраическими выкладками. По использовании тетрадь отбиралась в контору и арестантам не возвращалась.

Во время сидения в тюрьме со мной случилась следующая история. Перед своим арестом я давал уроки сыну железнодорожного жандармского полковника Змиова (Smioff — было написано на дощечке его парадной двери) и готовил его в высшее учебное заведение. Со старым грузным полковником мне мало приходилось встре-

чаться, так как он редко бывал дома. Я имел дело с мамашей, пожилой, бонтонной дамой, интересовавшейся больше всего вопросом о том, можно ли будет подкупить кого-нибудь из профессоров в Питере, чтобы устроить сына в путейский институт.

Паренек был нервный, издерганный, с лицом, сплошь покрытым угрями и какой-то коростой. Лицо его конвульсивно подергивалось, руки непроизвольно двигались, и часто, когда он начинал писать, ручка из его рук летела куда-то в сторону и втыкалась пером либо в стол, либо в бумагу. Очевидно, это был отпрыск никогда не знавшей труда, целые столетия жуировавшей и вырождавшейся вследствие этого барской фамилии. Он числился в школе, но по болезни почти не ходил туда. Задания ему сообщались на дом, и здесь с моей помощью он их выполнял.

Однако учился он не плохо, и я даже стал слегка его пропагандировать, давая ему соответствующие книги. Ему было задано сочинение на какую-то тему из «Евгения Онегина». Это сочинение должен был ему написать я. Я взял у него томик Пушкина, чтобы выполнить эту работу дома. Но как раз в это время меня арестовали и томик Пушкина вместе со всей моей библиотекой попал в жандармское управление. Моя просьба, переданная на волю, о том, чтобы эту книгу возвратили ее владельцам, не была исполнена, и Змиов заявил Мымрецову, что я украл у него книгу, о чем Мымрецов с язвительной улыбкой не преминул мне сообщить.

Чтобы отомстить Змиову, я предъявил из тюрьмы (у мирового судьи) иск к нему об уплате недоданной мне суммы за уроки и просил вызвать меня из тюрьмы на суд. Но судья разобрал дело заочно и в иске мне отказал.

Скляренко шутил над моей судебной тяжбой и иронически спрашивал:

— Ты что же думаешь, Шемяки перевелись что ли в Самаре?

В тюрьме Скляренко находил время и для чтения. В этот раз он прочитал полностью семитомную «Историю упадка и разрушения римской империи» Гиббона.

Из других членов нашего кружка М. И. Лебедева в это время доживала свои последние дни в Крыму, а И. А. Кузнецов допрашивался жандармами, но арестован не был. Допрашивалась также его жена, Софья Павловна, которая подозревалась в переписке «Эрфуртской программы».

Скляренко, Козмановы — мать и сын — и Буянов получили по три года ссылки на север (Скляренко — в Кемь, а Буяновы — в Архангельск). Я был выслан из Самары с воспрещением жительства в столицах, университетских городах и фабричных центрах.

Так закончил свое существование самарский марксистский кружок Ульянова (Ленина)—Скляренко.

Семена революционной марксистской теории, брошенные Владимиром Ильичем в Самаре, дали богатые плоды. В последующие годы Самара стала одним из провинциальных штабов марксизма. Здесь

в 1896 году стала издаваться первая легальная марксистская газета «Самарский вестник». В газете принимали участие Владимир Ильич, Плеханов, П. Н. Скворцов[23], А. П. Скляренко, Н. Е. Федосеев, В. С. Голубев, Н. П. Подбельский, А. А. Санин[24], Р. Э. Циммерман, Т. И. Семенов[25] и другие.

Скляренко из ссылки прислал в газету несколько статей, названия которых приведены выше.

Меня в Самаре в это время уже не было, и я в газете не писал. Но, переписываясь с братом, стоявшим близко к редакции «Самарского вестника», я был в курсе всех ее важных начинаний.

В одном из моих писем к брату (от 10 марта старого стиля 1897 года) имеются следующие строки:

«Статьи Тулина, по-моему, нельзя помещать без его согласия, и столковаться с ним, прежде чем печатать, прямо необходимо, — а где его искать (?!), — должно быть он еще не на месте».

Письмо, на которое я писал такой ответ, не сохранилось, и потому я не могу сказать, о какой статье Владимира Ильича в данном случае идет речь. Повидимому, редакция хотела напечатать какую-то старую статью Владимира Ильича, написанную им еще в Самаре,* но прежде чем печатать, решила навести справку через брата у меня. В это время Владимир Ильич как раз отправлялся из Питера в ссылку, поэтому понятна конспиративная форма приведенной выписки из письма.

Владимир Ильич состоял сотрудником «Самарского вестника», но печататься в газете ему не пришлось, ибо она скоро была закрыта (14 марта 1897 года) царскими властями за «вредное направление». Его статья «Гимназические хозяйства и исправительные гимназии» была напечатана в этой газете в 1895 году, когда «Самарский вестник» еще не был в руках социал-демократов, хотя социал-демократические статьи иногда в ней печатались.

---

* Возможно также, что это было письмо В. И. Ленина к П. П. Маслову по поводу статей последнего в «Самарском вестнике» о вышедшей в начале 1897 года книге московских народничествующих профессоров «О влиянии неурожаев и хлебных цен» и т. д. Письмо это могло быть написано В. И. Лениным или в Москве, откуда он 22 февраля 1897 года выехал в сибирскую ссылку, или по дороге туда. Редакция газеты хотела приурочить это письмо к дискуссии по вопросу о хлебных ценах, возникшей в Вольно-экономическом обществе (заседания 1 и 2 марта) и в печати, и напечатать его, изменив соответствующим образом вступительную часть. Такая статья действительно была напечатана 13 марта в «Самарском вестнике» за подписью «С. Т. А.» (можно думать, что эти литеры — начало слова «Старик» — клички В. И. Ленина в то время), и П. П. Маслов — редактор «Самарского вестника» — уверенно утверждает, что эта статья принадлежит В. И. Ленину.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Этот район, по соседству с которым находится д. Алакаевка, являлся издавна центром революционной пропаганды в Самарской губернии. Здесь в 70-х годах известный золотопромышленник К. М. Сибиряков (издатель радикально-демократического журнала «Слово») купил большой участок земли и под влиянием своего демократического окружения стал сдавать в аренду землю под поселения интеллигентских колоний, а также пытался открыть на хуторе Константиновском, близ д. Алакаевки, сельскохозяйственную школу, но открытие ее властями разрешено не было. Сюда стало стекаться много радикальной интеллигенции самых разнообразных толков и направлений, начиная от толстовцев и кончая землевольцами и народовольцами. Здесь жил в качестве письмоводителя в конторе Сибирякова (в с. Сколкове) Глеб Успенский, а его жена А. И. Успенская (родная сестра В. И. Засулич) была учительницей в сельской школе. Г. Успенский описал села Гвардейцы, Сколково и Заглядино в очерке «Три деревни». Здесь жил в 80-х годах рабочий С. К. Волков, выведенный Плехановым в его статье «Русский рабочий в революционном движении», как активный участник рабочих кружков в Петербурге в середине 70-х годов. Вследствие усиления полицейского надзора все эти вольнодумствующие искатели «правды-истины» и «правды-справедливости» стали к концу 80-х годов разбегаться отсюда. Сибиряков решил бросить здесь все свои затеи и перенести деятельность на Кавказ, что он к 1889 году и выполнил. В крамольном районе осталась колония интеллигентов на хуторе Шарнеля («Кавказцы»), организатором и руководителем которой был А. А. Преображенский. С этим Преображенским водил знакомство В. И. Ленин, бывал у него в колонии, заводил через него знакомства с местными крестьянами. Так, Преображенский познакомил его с крестьянином-радикалом из с. Гвардейцев — Д. Я. Кисликовым, который впоследствии (в 1905 году), приближаясь по своим взглядам к социал-демократам, вел революционную пропаганду в своем селении. Будучи за границей, в эмиграции, В. И. Ленин в 1905 году переписывался с Преображенским и интересовался судьбой Д. Я. Кисликова. Преображенский имел в 1905 году связь с небольшой подпольной большевистской типографией в Самаре и переписывался по этому поводу с Лениным (см. Ленинский сборник, V, стр. 167, 572). При советской власти А. А. Преображенский заведывал домом отдыха в Горках (под Москвой). Умер в 1937 году в Москве.
2. ФИЛАДЕЛЬФОВ В. В. Один из членов самарского народнического кружка первой половины семидесятых годов, в состав которого кроме него входили: Е. Е. Лазарев, И. И. Никольский, Н. Е. Петропавловский — известный впоследствии писатель-народник (псевдоним Каронин), В. А. Осипов и В. А. Осташкин. Последние двое в восьмидесятых годах жили также в Самаре, но заметной роли в народнических кружках не играли. По делу 193-х Филадельфов был оправдан, но сидел предварительно и пересылался из тюрьмы в тюрьму более 4 лет. В конце восьмидесятых годов он перебрался из Самары в Уфу, где служил на железной дороге. Я его видел в Уфе в 1891 году, проездом из Красноуфимска в Самару. Он в это время уже отходил от активной политической деятельности. Умер в Уфе в начале девятисотых

годов. Интересное его письмо из тюрьмы напечатано в «Красном архиве» (т. V, 1924 г.).

3. ГАУЭНШТЕЙН Карл Иванович. Привлекался по процессу 193-х, умер в конце восьмидесятых годов. Его брат Эмилий Иванович, впоследствии марксист, служил ветеринарным врачом в Московской области, умер в 1932 году.

4. САБУНАЕВ М. В. Народоволец, пытавшийся в конце восьмидесятых годов воскресить партию «Народной воли». С этой целью он объезжал многие города и организовал кружки в Костроме, Владимире и Вологде. В Самаре, повидимому, такого кружка ему не удалось организовать. В декабре 1890 года он был арестован и в 1892 году сослан в Сибирь.

5. ГИНЗБУРГ Софья Михайловна. Террористка, работавшая преимущественно среди военных и моряков и заявлявшая, что она не принадлежит ни к какой партии. Связавшись с народовольцами (группа в Цюрихе), пыталась организовать покушение на Александра III. Арестована в Бахчисарае и присуждена в 1889 году к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. Открыла себе вены тупыми ножницами в Шлиссельбурге в 1891 году, так как не могла вынести одиночества и тюремного режима, и умерла.

6. ИОНОВ Вадим Андреевич. Происходил из купеческой семьи г. Сызрани, учился в Лесном институте, но курса не окончил, так как был выслан на родину в середине восьмидесятых годов в связи со студенческими волнениями. В 1895 году переселился в Саратов и работал здесь делопроизводителем ветеринарного отдела губернской земской управы.

Вместе с нами в земстве работал Н. Э. Бауман, только что окончивший казанский ветеринарный институт. Он был марксистом и отчетливо обнаруживал свое революционное настроение. Он работал в качестве ветеринарного врача Широкинской волости, очень часто ездил в Саратов и являлся в управу. Но в одно прекрасное время В. А. Ионов забеспокоился: Бауман не являлся в управу целых две недели. По справкам оказалось, что его в это время не было и дома, в с. Широком. Скоро явился сам Бауман и рассказал следующее: он был в театре и слушал оперу «Жизнь за царя». Когда играли «боже, царя храни», он не встал, почему полицией был составлен протокол. По обвинению в «оскорблении величества» Бауман был посажен в полицейскую каталажку, где просидел две недели. В 1896 году он уехал из Саратова в Петербург.

В 1897 году В. А. Ионов участвовал в журнале «Новое слово», а затем в 1899 году был членом редакции журнала «Начало».

Через В. А. Ионова саратовские марксисты связывались с редакцией «Нового слова». Через него, например, я посылал в «Новое слово» свою статью «К характеристике кустарных промыслов в Саратовской губернии», но она напечатана не была, так как журнал уже был закрыт правительством. Пришлось напечатать ее в «Саратовской земской неделе».

В. А. Ионов умер в Саратове в 1904 году.

7. КУЗНЕЦОВ Иван Александрович. После ареста кружка И. А. Кузнецов служил помощником машиниста в Камышине. Во время своих поездок на паровозе он сильно простудился, заболел туберкулезом и вынужден был искать другой работы. Переселившись в Ростов, он начал работать в газете «Приазовский край». Здесь, между прочим, к столетию основания г. Ростова (1897 год) Кузнецов написал книжку «Прошлое Ростова». После этого он жил в Екатеринодаре (теперь Краснодар) и заведывал здесь Пушкинской общественной библиотекой. В конце 1903 года болезнь приняла угрожающую форму, и Кузнецов был перевезен в Ялту. Здесь благодаря самоотверженному уходу его жены, Софьи Павловны, Иван Александрович протянул около двух лет. Умер 4 октября 1905 года.

8. БУХГОЛЬЦ В. А. Был в это время студентом, исключенным из университета. Так как он раньше учился в самарской гимназии, то Скляренко его знал. Он был эпизодическим лицом в нашем кружке и в начале 1891 года уехал в Германию (он был прусским подданным).

9. Это примечание в сборнике «Ленин в Самаре» ошибочно приписано И. Х. Лалаянцу. Между тем оно буквально перепечатано из моей статьи «Памяти друга» в книге «Старый товарищ А. П. Скляренко».

10. ЕРАМАСОВ А. И. («Монах»). После Октябрьской социалистической революции вступил в ВКП(б). Умер весной 1927 года в Сызрани. Смерть его была отмечена некрологом в «Правде».

11. В ненапечатанных воспоминаниях И. К. Иванова указывается, что работа кружка по составлению каталога для систематического чтения явилась причиной возникновения споров между народниками и марксистами. Это неверно, так как составление каталога происходило между делом и к спорам между представителями двух названных направлений никакого отношения не имело.

И. К. Иванов неправильно указывает, что в составлении каталога принимал участие мой брат, Тимофей Иванович. Брат приехал в Самару лишь в ноябре 1893 года, т. е. уже после отъезда Владимира Ильича в Петербург. Он познакомился с Владимиром Ильичем только в 1905 году, во время совместной работы в газете «Новая жизнь».

Также неверно, что в составлении каталога принимал участие В. А. Ионов.

12. ФЕДОСЕЕВ Николай Евграфович. Один из первых организаторов марксистских кружков в Казани. Не вынес тяжелых условий жизни в ссылке и застрелился в Верхоленске 26 июня (старого стиля) 1898 года.

13. СЕРГИЕВСКИЙ Николай Львович. Старый член ВКП(б), живет в Ленинграде на пенсии.

14. ГОПФЕНГАУЗ Мария Германовна. Близкий друг Н. Е. Федосеева. Как «невеста» навещала его в тюрьме по поручению подпольной революционной организации. Застрелилась в архангельской ссылке 18 августа (старого стиля) 1898 года по получении известия из Сибири о смерти Федосеева. А. А. Санин в своих воспоминаниях (ненапечатанных) утверждает, что правильная ее фамилия Гопфенгаузен.

15. В моих воспоминаниях, опубликованных в сборнике «Ленин в Самаре», в этом месте напечатано примечание И. Лалаянца, в котором он говорит, что «Владимир Ильич не «усмотрел» там «апологии кулацкого хозяйства», а наоборот, «отнесся очень одобрительно к ней». Это утверждение опровергается Н. Л. Сергиевским, который в своей статье в книге «Н. Е. Федосеев» говорит: «Они (самарские марксисты. — *М. С.*) усмотрели в ней (в работе Федосеева. — *М. С.*) народнические тенденции и потому взяли под подозрение (Н. Е. Федосеева). Об этом было сообщено во Владимир. Помню, что Н. Е. иронизировал по поводу такого приема этой статьи. Оказывается, говорил он, обязательно надо писать: «се лев, а не собака»... Впоследствии, уже в 1900 году, В. И. Ульянов, которому я написал об этом инциденте, объяснил, что самарцы были введены в заблуждение неуказанием в статье того, что она является не самостоятельной, а лишь отдельной главой предпринятой Федосеевым работы, и когда в Самаре появилась статья о Щедрине, недоразумение разъяснилось». Следовательно, скептическое отношение со стороны Владимира Ильича к работе Федосеева имело место, но оно относилось не к работе о Щедрине, а к статье «О купчих крестьянских землях». Это уточнение в текст моих воспоминаний внесено. Можно думать, что И. Лалаянц просто не видел в Самаре первой статьи Федосеева («О купчих крестьянских землях»), так как она получилась и читалась в Самаре до 1893 года, т. е. тогда, когда Лалаянца в Самаре еще не было. Поэтому он мог не слышать и отзыва Владимира Ильича о ней.

16. В моих воспоминаниях, опубликованных в сборнике «Ленин в Самаре», в этом месте имеется примечание И. Лалаянца, в котором говорится: «Указание это не соответствует исторической действительности. О кружке Скляренко—Ульянова не было известно за пределами Самары»...

Как мною указывается в тексте, Лалаянц приехал в Самару в 1893 году и мог встречаться с Владимиром Ильичем в кружке в течение не более 2 месяцев. И действительно, в 1893 году у Скляренко, сколько я помню, собраний с приезжими не было. Они были раньше, в 1892 году, когда наш кружок

стал известен во Владимире, откуда присылались рукописи Федосеева (сам Федосеев собирался приехать в Самару). Все эти факты имели место до приезда Лалаянца в Самару.

Бывший офицер Смирнов, о котором я упоминаю в тексте, приезжал из Астрахани, как и Н. Д. Россов из Саратова, специально для дискуссии с марксистами. Это мне было хорошо известно. Ведь «исторической действительностью» является приезд в Самару большой группы казанцев в 1893 году для постоянного жительства здесь. Что могло их потянуть сюда, если не известия о подъеме в Самаре пульса общественной жизни благодаря широкой пропаганде в городе марксистского учения.

Наконец, Саратов — это Эльдорадо народничества — не случайно посылает в Самару одного из вождей народников — Н. Д. Россова, который до конца дней своих был яростным противником марксизма и завсегдатаем всех собраний в Саратове, где велись споры народников с марксистами. Позднее в 1896—1898 годах, когда я жил в Саратове, Россова изображали в карикатурах в виде старьевщика с мешком за плечами, из которого свешивались лохмотья с надписями на них: «Н. Кареев», «Михайловский» и т. п. После 1905 года Россов был народным социалистом (умер до 1917 года).

17. СМИРНОВ упоминается в произведении М. Горького «Мои университеты», как один из членов революционных кружков в Казани. В описываемое мною время он приезжал в Самару из Астрахани, очевидно, уже после своей высылки из Казани.

18. ЯСНЕВА Мария Петровна (по мужу Голубева). Начала принимать участие в революционном движении с ранней молодости. В конце семидесятых годов она участвовала в народнических кружках, а с 1881 по 1896 год была последовательницей П. Г. Зайчневского, организатора орловского кружка якобинцев, в состав которого входили А. И. Романова (упоминаемая в тексте), Л. Г. Романов, В. П. Арцыбушев, С. И. Мицкевич, А. И. Орлов, М. П. Яснева, Троеперстов и другие. Эта заговорщическая группа мечтала о захвате власти узкой революционной организацией, без опоры на широкие народные массы, и о введении социализма путем декретов.

Знакомство М. П. Ясневой с В. И. Лениным и затем сближение с В. С. Голубевым, женой которого она стала, привело ее к отходу от якобинских теорий. В конце девяностых годов Мария Петровна становится окончательно марксисткой и в 1903 году, после второго съезда, вступает в партию.

Ее муж, Василий Семенович Голубев, бывший студент Лесного института, был ранее членом Брусневского кружка в Петербурге и вел здесь большую пропагандистскую работу на заводах и фабриках, будучи известен под кличкой «дяди Сени». Организатор демонстрации рабочих на похоронах Н. В. Шелгунова, он известен в истории партии как один из пионеров революционного рабочего движения в Петербурге в восьмидесятых годах. После ареста в 1892 году и ссылки в Сибирь, где он, заработка ради, заделался фельдшером, Василий Семенович очутился с женой в Саратове, работал в земстве в качестве заведующего отделом народного образования. Здесь я близко с ним сошелся, и мы взяли в свои руки редактирование «Саратовской земской недели», задавшись целью проводить в этом журнале марксистские идеи. Сколько-нибудь последовательно эту затею нам осуществить однако не удалось вследствие противодействия земских зубров, а главное потому, что сам В. С. Голубев постепенно стал сдавать марксистские позиции и сползать на рельсы земской культурнической работы. Я скоро отошел от редакции журнала.

В конце 1904 года, в самый разгар «земской кампании», Голубевы переехали в Петербург. В это время Мария Петровна вела переписку с В. И. Лениным, находившимся в Швейцарии, о подготовке созыва третьего съезда партии. В. С. Голубев все дальше и дальше отходил вправо. Он стал сотрудничать в «Товарище», а затем даже в федоровском «Слове» (близком к октябристам). Коллизия между супругами на почве идейных разногласий разрешилась неожиданно: в 1905 году В. С. Голубев умер.

В третий раз я встретил Марию Петровну уже в Москве при советской власти. Она работала в статистике ЦК ВКП(б) и проявляла себя твердой и последовательной большевичкой. Умерла М. П. Голубева в 1935 году.

19. ГРИГОРЬЕВ М. Г. Член кружка Федосеева в Казани. Упоминается в произведении М. Горького «Мои университеты». При советской власти работал на транспорте. Умер несколько лет тому назад.
20. МАСЛОВ Петр Павлович. В настоящее время член Академии наук СССР.
21. ЛАЛАЯНЦ И. Х. В прошлом весьма активный большевик. С 1908 года был 6 лет на каторге, в 1913 году сослан в Восточную Сибирь. После ссылки отошел от партии. В 1921 году был вызван Владимиром Ильичем в Москву, работал в Главполитпросвете. Умер в 1934 году.
22. ВОЙЦЕХОВИЧ Николай Карлович. Сын помощника инспектора казанского университета (Карл Войцехович участвовал в подавлении студенческих беспорядков в Казани в 1887 году). В Самаре в начале девяностых годов некоторое время вращался в революционных кружках, затем отошел от политической деятельности, работал в акционерных страховых обществах. О дальнейшей его судьбе сведений не имею.
23. СКВОРЦОВ Павел Николаевич. Нижегородский статистик, один из первых марксистов, начавших в восьмидесятых годах разработку русских статистических материалов на основе марксистской теории. Писал в «Юридическом вестнике» (статья «Итоги пореформенного экономического развития России», в свое время многими читавшаяся), в «Самарском вестнике», в сожженном цензурою марксистском сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (1895 год). Умер в 1931 году в Москве, в доме ветеранов революции.
24. САНИН Алексей Алексеевич. После ухода из «Самарского вестника» занимался переводами и активного участия в партийной работе не принимал. В одном из своих писем Владимир Ильич характеризует его как «дикого», непригодного к партийной работе. Вместе с этим Владимир Ильич старался привлечь его к работе. Санин перевел под редакцией Ленина в 1903 году книгу Каутского «Социальная революция». Умер в Ленинграде в 1935 году.
25. СЕМЕНОВ Тимофей Иванович. В прошлом активный большевик, в 1905—1906 годах работал в «Новой жизни» и в ряде большевистских газет, издававшихся после закрытия «Новой жизни», заведуя в них провинциальными отделами. В 1906 году его квартира в Петербурге была явочным пунктом для Владимира Ильича. После 1917 года отошел от партии. В настоящее время живет в Москве на пенсии.

СПИСОК КНИГ, ВЫДАННЫХ ИЗ САМАРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ УЛЬЯНОВЫМ В 1893 ГОДУ*

В архиве самарской Публичной библиотеки в абонементе за 1893 год на странице 764 находим фамилию Ульяновой, очевидно, Анны Ильиничны, на имя которой книги выдавались с января по 21 августа, т. е. как раз до отъезда Владимира Ильича в Петербург.

В списке значатся выданные следующие журналы и книги, большинство которых несомненно читалось Влидимиром Ильичем:

«Русское Богатство» за 1892 год — книги 11 и 12; за 1893 год — книги 1, 3, 4 и 5.

«Вестник Европы» за 1893 год — книги 1, 2, 3, 4, 6.

«Русская Мысль» за 1892 год — книга 12; за 1893 год — книги 1, 2, 3, 4, 6, 7.

«Северный Вестник» за 1893 год — книги 1, 4, 5, 6.

Дитятин. Городское самоуправление.

Исаев. Артели в России.

Костомаров. Очерки истории Московского государства.

Статистика Российской империи. Сборник сведений по России

Минье. История французской революции.

Статистическое обозрение России.

Тен. Происхождение строя Франции.

История революции (фамилия автора неразборчива).

Льюис. Физиология обыденной жизни.

Льюис. История философии.

Авдеев. Наше общество **.

Аристов. Щапов ***.

Гуревич. История христианства.

История местного управления в России.

Ключевский. Русская история.

Семенов. Освобождение крестьян.

Андреев. Представитель власти в России.

Куно Фишер. История нового времени.

Брикнер. Иван Посошков.

Владимир Соловьев. Сочинения.

Успенский Глеб. Т. III.

Диккенс. Т. IV.

Ключевский.

История промышленности (фамилия автора неразборчива).

Труды по исследованию кустарной промышленности — книги 1, 2, 3.

Труды комиссии кустарной промышленности — книги 6, 7.

Покровительство народной охране здоровья.

Шредер. Русский огород.

Свод материалов по кустарной промышленности.

Сборник материалов поземельных обществ.

Кроме этого помечено несколько книг на французском языке

---

* Извлечение из статьи А. Кухарского: «В. И. Ленин — читатель Самарской центральной библиотеки» («Книгоноша» № 13 (44), 29 марта 1924 года, стр. 5).

** Повидимому, это книга М. В. Авдеева — «Общество 1820—1870 годов в героях и героинях литературы».

*** Повидимому, это книга Н. Я. Аристова — «А. П. Щапов, его жизнь и сочинения».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Часть I

Самара и ее подпольные кружки до-ленинского периода

Глава первая

Самара — город купцов и «горчишников». Городское благоустройство. Своеобразие социальной структуры самарского населения. Культурно-просветительные учреждения. 5

Глава вторая

Осколки старого народничества. В. В. Филадельфов, Е. Е. Лазарев, А. И. Ливанов, В. Ю. Виттен, И. М. Красноперов, Н. С. Долгов и др. 10

Глава третья

Мое первое знакомство с подпольной литературой. В. К. Шлегер. Первый школьный кружок и его занятия. Губернаторское общежитие. Реальное училище и его учителя 15

Глава четвертая

Кружок А. Е. Пономарева. Собрания в квартире жандарма. Литература и каталоги для систематического чтения. Кружки железнодорожников. 22

Глава пятая

Кружки братьев Гауэнштейн и Зайцевских. Заезжие агитаторы. Эволюция Пономарева. «Огарки». Пивная Беккера. 25

Глава шестая

Кружок Грачевых и Рябовых. Забастовка на мыловаренном заводе. Кружки фельдшерской школы. Характеристика подпольных кружков. Самарские либералы. 29

Часть II

Самарские подпольные кружки ленинского периода

Глава первая

А. П. Попов-Скляренко. Его первые кружки. Нелегальная библиотека. Литературные произведения Скляренко 35

Глава вторая

Первый кружок самарских марксистов. Роль и влияние Владимира Ильича в кружке. М. И. Лебедева. Сызранский кружок В. А. Ионова—А. И. Ерамасова 48

Глава третья

Пропаганда Владимира Ильича. Работы Н. Е. Федосеева. Дискуссии в кружке и на собраниях 55

Глава четвертая

Доклады Владимира Ильича. Споры с народниками. Голод и холера в Поволжье. Последний год пребывания Владимира Ильича в Самаре . 61

Глава пятая

Кружок Е. И. Козмановой. Приезд в Самару группы казанцев. Оживление деятельности подпольных кружков. Зима 1893/94 года в Самаре . . . 69

Глава шестая

Арест членов нашего кружка и Мельницы. «Мымрецов» и его методы работы. Тюремные типы и тюремное начальство. Бунт политических. «Самарский вестник». 73

Примечания 81

Приложение. Список книг, выданных из самарской Публичной библиотеки Ульяновым в 1893 году 86

М. И. Семенов (М. Блан). Революционная Самара 80—90-х годов. Куйбышевское областное государственное издательство. 1940 г. Индекс VI—П—1в. Издат. № 2926.

Редакторы: *Р. Гурвич и Д. Сергеев*. Техн. редактор *Д. Вышковский*. Корректор *А. Ярошевская*.

Сдано в набор 3 января 1940 г. Подписано к печати 17 февраля 1940 г. формат 60×88/16. Объем: 2¾ бум. л., 5½ печ. л., 5,8 авт. л., 6 уч.-изд.-л., 45872 тип. знаков в печ. л. Тираж 10000. Уполн. облгита К—6708. Цена книги 1 р. Переплет 1 р.

Типография им. Мяги треста „Полиграфкнига", ОГИЗ. Куйбышев, ул. Венцека, 60. Заказ № 27.

2 руб.